

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ТАДЕ ТОМПСОН

18+

РОУЗУОТЕР

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АРТУРА Ч. КЛАРКА

Таде Томпсон

Роузуотер

Серия «Звезды научной фантастики»

Серия «Полынь», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48428066

Т. Томпсон. Роузуотер: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111847-1

Аннотация

2066 год, Нигерия. Роузуотер – город, построенный вокруг Звезды Полынь. Такое прозвище получил огромный инопланетный объект, доступ к которому преграждает биокупол, непроницаемый для человеческих технологий. Его прибытие изменило Землю: в воздухе теперь парят ксеноспоры, человечество начинает меняться, а США стали закрытой зоной, уйдя в полную изоляцию. В Роузуотере собираются ученые, военные и представители почти всех стран мира, а также отчаявшиеся и смертельно больные люди. Кто-то из них хочет заглянуть за непреодолимую стену. Кто-то жаждет исцеления, ведь Полынь способна вылечить любую болезнь на свете и даже оживить мертвых. Все ждут, что иная жизнь, наконец, ответит на многочисленные вопросы людей. Но она молчит. Кааро – правительственный агент с криминальным прошлым.

Он – последний человек, который был внутри биокупола, и возвращаться туда не желает. Но когда что-то начинает убивать таких же агентов, как он, Кааро приходится лицом к лицу столкнуться с собственной мрачной историей и понять, что контакт с внеземным разумом может произойти вне зависимости от нашего желания.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая. Роузуотер: 2066	6
Глава вторая. Роузуотер: 2066	25
Интерлюдия: Задание 1. Лагос: 2060	37
Глава третья. Роузуотер: 2066	43
Глава четвертая. Лагос: 2032, 2042, 2043	55
Глава пятая. Роузуотер, Лагос: 2066	72
Глава шестая. Роузуотер, Майдугури: 2055	90
Глава седьмая. Лагос, Роузуотер: 2066	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Таде Томпсон

Роузотер

Tade Thompson
Rosewater

© 2016 Tade Thompson

© Роман Демидов, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Лайи и Хантеру,
Отцу и сыну*

Глава первая. Роузуотер: 2066

Сорок минут работы в «Честном банке» – и меня одолевает тревога. Обычно день начинается именно так. На этот раз дело в свадьбе и выпускном экзамене. Не в моей свадьбе и не моем экзамене. Из кресла у окна мне виден, но не слышен город. С такой высоты кажется, что в Роузуотере все в порядке. Кварталы, дороги, улицы, поток машин, лениво огибающих купол. Отсюда можно разглядеть храм. Окно слева от меня, а я сижу за одним концом овального стола с еще четырьмя контрактниками. Мы на пятнадцатом, последнем этаже. Над нами открыт люк, квадратный, со стороной где-то в метр, и только защитная решетка отделяет нас от неба. Синего, с белыми крапинами облаков. Солнце еще не жарит, это будет позже. Несмотря на открытый люк, в комнате работает кондиционер – трата энергии, за которую «Честный банк» еженедельно штрафуют. Они готовы понести убытки.

Справа от меня зевает Бола. Она беременна и в последнее время сильно устает. Еще она много ест, но, полагаю, этого стоило ожидать. За те два года, что мы знакомы, она уже второй раз на сносях. Я не вполне понимаю беременность. Я единственный ребенок и вырос без питомцев или домашнего скота. Знания подцеплял то здесь, то там, а биологией никогда не интересовался. За исключением микробиологии, которую пришлось выучить позднее.

Я пытаюсь расслабиться и сосредоточиться на клиентах банка. Снова накатывает предсвадебный мандраж.

В центре стола возвышается голографический телесуфлер. Пока что он состоит из случайных световых завихрений, но через несколько минут оживет и выдаст текст. В комнате по соседству с нашей заканчивает работу ночная смена.

– Я слышала, они вчера вечером Дюма читали, – говорит Бола.

Она просто болтает. Не имеет значения, что читала другая смена. Я улыбаюсь и ничего не отвечаю.

До свадьбы, которую я чувствую, осталось три месяца. Невеста набрала несколько фунтов и не знает, перешивать ей платье или сходить на липосакцию. По-моему, у женщин бывает две красоты. Внешняя, которая видна всем, и внутренняя, тайная красота, истинная, которую женщины показывают лишь тем, кого любят.

Бола красивее, когда беременна.

– Шестьдесят секунд, – сообщает динамик.

Я отпиваю воды из стакана. Остальные контрактники – новички. Они не одеваются по всей форме, как мы с Болой. Они носят топы, футболки и железки в волосах. У них телефоны-имплантаты.

Я ненавижу любые имплантаты. У меня только один. Стандартный локатор без всяких расширений. Скучно на самом деле, но это требование нанимателя.

Страх перед экзаменом утихает, прежде чем я успеваю

изолировать и прощупать источник. Ну и ладно.

Куски металла, которые молодежь цепляет на волосы, добыты из разбившихся самолетов. Лагос, Абуджа, Джос, Кано и все, что между ними, – с начала нулевых самолеты в Нигерии падали на каждом внутреннем маршруте. Люди носят куски фюзеляжей как защитные амулеты.

Среди нас есть сияющие. Мы узнаем их с первого взгляда – вихрь подхватывает нас и притягивает к ним, как и всех остальных. Бола как раз из таких. Иногда я ловлю себя на том, что смотрю на нее, не зная почему. Она частенько ловит мой взгляд и подмигивает. Сейчас распаковывает свой завтрак – несколько свертков с мой-мой¹.

– Начали, – говорит динамик.

Текст «Государства» Платона, написанный призрачными, голографическими буквами, медленно и ровно плывет по цилиндрическому дисплею. Я начинаю читать, и остальные тоже, одни молча, другие вслух. Мы входим в ксеносферу и устанавливаем банковский файервол.

Каждый день около пятисот клиентов проводят здесь денежные транзакции. Дикие сенситивы щупают и тыкаются, пытаясь извлечь из воздуха персональные данные. Я имею в виду даты рождения, ПИН-коды, девичьи фамилии матерей, предыдущие сделки – все, что лежит в переднем мозге каждого клиента, в рабочей памяти, и ждет, когда его выковы-

¹ Мой-мой, или мойн-мойн, – традиционное нигерийское блюдо, фасолевый пудинг с перцем и луком, который заворачивают в банановые листья.

ряют голодные, необученные пираты-телепаты.

Контрактники вроде меня, Болы Мартинез и металлологов обучены отражать их атаки. Что мы и делаем. Читаем классику, чтобы затопить ксеносферу нерелевантными словами и мыслями, создать информационный файервол, который пробирается даже в подсознание клиентов. Один профессор это как-то исследовал. Он обнаружил связь между материалом, из которого строится стена, и действиями клиентов в течение следующего года. Человеку, никогда не открывавшему Шекспира, без всяких видимых причин могут прийти в голову цитаты из «Короля Лира».

При желании мы можем отследить вторжения, но банку это неинтересно. Затевать суды по поводу преступлений, совершенных в ксеносфере, трудно и дорого.

В очередях к банкоматам так много людей, так много забот, и страстей, и желаний. Я устал процеживать чужие жизни через свое сознание.

«Вчера я ходил в Пирей вместе с Главконом, сыном Аристана, помолиться богине, а кроме того, мне хотелось посмотреть, каким образом справят там ее праздник, – ведь делается это теперь впервые. Прекрасно было, по-моему, торжественное шествие местных жителей, однако не менее удачным оказалось и шествие фракийцев. Мы помолитесь, насмотрелись и пошли обратно в город...»²

Входя в ксеносферу, ты проецируешь собственный образ.

² Перевод А. Н. Егунова.

Необученные, дикие сенситивы проецируют себя, но профессионалы вроде меня умеют создавать контролируемый, самостоятельно выбранный я-образ. У меня это грифон.

Я-образы диких неточны, не совпадают с ними сегодняшними. Это непреднамеренно. Нужно время, чтобы ментальный образ совпал с настоящим человеком, и у каждого оно свое. У облысевшего человека я-образ может быть косматым еще много лет.

Мой первый сегодняшний нападающий – средних лет мужчина из городского дома в Йоле. Он выглядит исхудавшим, с очень темной кожей. Я шугаю его, и он отступает. Его место занимает подросток, так быстро, что, я думаю, они физически находятся в одном и том же месте, на одной хак-ферме. Преступные группировки порой набирают сенситивов и увязывают их в «мумбайское комбо» – что-то вроде колл-центра с серийными хакерами.

В любом случае все это я уже видел. Мне становится скучно.

Во время обеденного перерыва один из металлоголовых подходит и садится рядом со мной. Заводит разговор о делах, рассказывает мне о едва не пропущенном вторжении. На вид ему двадцать с небольшим, он еще в восторге от того, что оказался сенситивом, и все-то ему кажется новым, свежим и волнующим – полная противоположность циника, полная моя противоположность.

Он, должно быть, влюблен. В его я-образе заметна близость. Он достаточно хорош, чтобы замаскировать другого человека, но не настолько, чтобы скрыть наличие отношений. Рядом с ним мне видна тень, призрак. Из вежливости я об этом не упоминаю.

Его куски металла свернуты в распятия и закреплены на одинокой косе среди коротко стриженных волос. Та спускается с головы вдоль левого виска, оборачивается вокруг шеи и исчезает под воротником футболки.

– Я – Клемент, – говорит он. – Я заметил, что ты не называешь меня по имени.

Это правда. Две недели назад нас познакомил банковский менеджер, но я тут же забыл его имя и с тех пор использовал только местоимения.

– Меня зовут...

– Ты – Кааро. Я знаю. Тебя знают все. Прости, но я не могу не спросить. Правда, что ты был в Утопия-сити?

– Это слухи, – говорю я.

– Да, но эти слухи – правда? – спрашивает Клемент.

Солнце за окном катится по небу чересчур медленно. Почему я здесь? Что я делаю?

– Я не хотел бы об этом говорить.

– Пойдешь сегодня вечером? – спрашивает он.

Я знаю, что будет вечером. У меня нет желания идти.

– Возможно, – отвечаю я, – я могу быть занят.

– Чем?

Парень больно любопытный. Я думал, мы вежливо перебросимся парой слов, а теперь мне приходится сосредоточиться на нем, на своих ответах. Он улыбается, он дружелюбен и общителен. Надо отвечать тем же.

– Я буду там с семьей, – говорит Клемент. – Может, сходишь с нами? Я отправлю свой номер тебе на телефон. Там соберется весь Роузуотер.

Как раз это мне и не нравится, но Клементу я ничего не говорю. Получаю его номер и из вежливости делюсь своим, но ничего не обещаю.

До конца рабочего дня я получаю еще четыре приглашения на Открытие. Большую часть отклоняю, но Бола не из тех людей, кому я могу отказать.

– Мой муж снял квартиру на вечер, – говорит она и вручает мне бумажку с адресом. В ее неодобрительном взгляде я читаю, что если бы у меня был нормальный имплантат, нам не пришлось бы губить деревья. – Не ешь заранее. Я кое-что приготовлю.

К восемнадцати ноль-ноль последние клиенты разошлись, и мы печатаем за терминалами, регистрируем попытки взлома, сверяемся, выясняя, не было ли проникновений, шутить уже нет сил. Никаких ответов на отчеты о происшествиях мы никогда не получаем. Ни анализа паттернов, ни графика тенденций. Эти данные поглощает бюрократическая черная

дыра. Только-только начало темнеть, и мы все вернулись в собственные головы, но в пассивном режиме подключены к ксеносфере. Я смутно осознаю, что идет шахматная партия, но мне плевать, между кем. Я не играю и поэтому не понимаю хода игры.

– Привет, Грифон, – говорит кто-то.

Я сосредотачиваюсь, но он исчезает. Она исчезает. Женщина, однозначно. Я ловлю зыбкий образ распустившегося цветка, чего-то синего – и все. Я слишком устал или мне лень идти по следу, поэтому отправляю свою документацию и заполняю электронную ведомость.

Спускаюсь в лифте на первый этаж. Я никогда толком не видел банка. У контрактников есть доступ к скоростному лифту. Он никак не маркирован и управляется охранником, который видит нас, хотя мы не видим ни его, ни его камеру. С тем же успехом все это может быть магией. Лифт выглядит как довольно изящная деревянная шкатулка. Кнопок в нем нет, и вести тут доверительные разговоры – просто глупо. На этот раз, когда я выхожу, лифтер говорит: «Счастливого Открытия». Я киваю, не зная, в какую сторону отвечать.

В фойе пусто, темно. Колонны похожи на викторианских мертвецов, которых поставили на ноги, чтобы сфотографировать. Обычно, когда я иду домой, здесь кто-то есть, но сегодня, разумеется, персоналу разрешили уйти пораньше в честь Открытия.

Уже совсем стемнело. Сияние от купола Утопия-сити за-

ливаает все вокруг, хоть и не настолько ярко, чтобы можно было читать. Окружающие здания заслоняют прямой вид, но свет обрамляет каждую высотку слева, точно восходящее солнце, и отражается в окнах справа. Вот поэтому в Роузутере нет уличных фонарей. Я направляюсь к станции Алаба, на платформу для поездов, едущих по часовой стрелке. На улицах ни души, за исключением полицейской, которая проходит мимо, помахивая дубинкой. На мне костюм, поэтому она меня не трогает. Возле уха гудит москит, но ему, кажется, не интересно пробовать мою кровь. Когда я добираюсь до платформы, подмышки у меня слегка намокают от пота. Сегодня теплый вечер. Я набираю сообщение своей квартире, чтобы сделала внутреннюю температуру на градус ниже внешней.

Станция Алаба запружена работниками из торгового района, и змеи очередей выползают на улицу, но почти все они едут против часовой стрелки, на станцию Кехинде, которая ближе всего к Открытию. Я немного колеблюсь, прежде чем покупаю билет. Планирую съездить домой и переодеться, но сомневаюсь, смогу ли спокойно добраться до Болы и ее мужа. На какой-то миг непроизвольно вхожу в ксеносферу, и меня прошивает горячий, влажный поток ярости супруга-рогоносца. Обрываю связь и глубоко вздыхаю.

Еду домой. Хоть мне и досталось место у окна, откуда виден купол, на Утопия-сити я не смотрю. Замечая отраженный свет на лицах других пассажиров, закрываю глаза, хотя

это не отсекает аппетитный запах акары³ или звук их пустой болтовни. Говорят, что в Роузуотере каждому хотя бы раз за ночь, хотя бы недолго, снится Утопия-сити. Я знаю, что это неправда, потому что мне он никогда не снился.

То, что мне удалось сесть в поезде, – подтверждение того, как всех манит Открытие. Обычно вагоны так забиты, что чуть не лопаются, и жарко в них не из-за обогревателей, а из-за разгоряченных тел, дыхания и отчаяния.

Я схожу на станции Атево после двадцатипятиминутной задержки из-за перебоя подачи энергии с Северного ганглия. Оглядываюсь в поисках Йаро, но его нигде не видно. Йаро – это дружелюбный бродячий пес, который иногда провожает меня до дома, я подкармливаю его объедками. Прогулка от станции до моего квартала занимает десять минут. Когда снова появляется сигнал, на телефоне ждут четыре сообщения. Три из них – заказы, четвертое – от моей начальницы.

«Перезвони немедленно. И заведи телефон-имплантат. Что за каменный век».

Я не перезваниваю ей. Она может подождать.

Я живу в трехкомнатной частично автоматизированной квартире. Мог бы, конечно, заполучить местечко получше, если бы захотел. Деньги у меня есть, желания только нет. Раздеваюсь, бросаю одежду как попало и выбираю что-нибудь непарадное. Колеблясь, бросаю взгляд на кобуру. Пересекаю

³ Акара, или акараже, – обжаренные в пальмовом масле шарики из коровьего гороха, часто с начинкой.

комнату и подхожу к стенному сейфу, который появляется в ответ на сигнал моего ID-имплантата. Я открываю его и размышляю, не взять ли пистолет. Рядом с ним две обоймы, а еще бронзовая маска и прозрачный цилиндрик. Жидкость в цилиндрике неподвижна. Я беру его и встряхиваю, но жидкость слишком густа и остается на месте. Убираю его обратно и решаю не брать оружие.

По-быстрому принимаю душ и отправляюсь на Открытие.

Что сказать об Открытии?

В биокуполе, под которым скрыт Утопия-сити, формируется отверстие. Роузутер – конурбация в форме пончика, окружающая Утопия-сити. Первое время мы его Пончиком и называли. Я здесь был. Я видел, как из пограничного городка, состоящего из палаток с кучками больных людей, жавшихся друг к другу, чтобы согреться, он вырос в нечто вроде трущобы для надеющихся, а из нее – в настоящий город с самоуправлением. За одиннадцать лет своего существования Утопия-сити никого не впустил. Я был последним, кто пересек биокупол, и других уже не будет. В то же время Роузутеру столько же лет, и он непрерывно растет.

Тем не менее каждый год на юге, в районе Кехинде, купол открывается на двадцать – тридцать минут. Все люди в районе отверстия исцеляются от любых телесных и некоторых душевных болезней. Также хорошо известно, что исход не всегда благоприятен, даже если болезни исчезают. Бывают

неудачные перестройки, словно по искаженным чертежам. Никто не знает, почему это происходит, но есть и люди, намеренно калечащие себя, чтобы пройти «реконструктивную хирургию».

В такую ночь о том, чтобы сесть в поезд, не может быть и речи. Я беру такси, которое поначалу едет в другую сторону, потом по широкой дуге направляется к югу, по кружному пути через объездные дороги, навстречу потоку машин. Это работает до поры до времени. Слишком много машин, велосипедов и мотоциклов, слишком много пешеходов, слишком много уличных артистов, и проповедников, и приезжих. Я расплачиваюсь с водителем и остаток пути до арендованной квартиры Бола прохожу пешком. Это нетрудно, ведь путь мой перпендикулярен потоку паломников.

Улица Ошоди находится довольно далеко от биокупола, толпа тут пореже и не задерживает меня. Дом пятьдесят один – высокое, узкое четырехэтажное здание. Открытую дверь подпирает пустой деревянный ящик из-под пива. Я вхожу в коридор, ведущий к двум квартирам и лифту. На последнем этаже стучусь, и Бола впускает меня.

Что сразу поражает: аромат и жар пищи, которые тут же запускают слюноотделение и голодные спазмы у меня в животе. Бола вручает мне полевой бинокль и проводит в гостиную. Такой же бинокль болтается на ремешке у нее на шее. На ней рубашка с расстегнутыми нижними пуговицами, открывающая ее голый беременный живот. Тяжелые груди Бо-

лы давят на две пуговики, держащие их в подчинении, и я гадаю, сколько еще законы физики будут это терпеть. Двое детишек, мальчик и девочка, лет восьми-девяти, бешено носятся вокруг, хохочущие и счастливые.

– Стой, – говорит Бола. Я застываю посреди комнаты, а она приносит тарелку, полную акары, додо ⁴ и дунду ⁵. Потом ведет меня за свободную руку на веранду, где стоят четыре шезлонга, повернутые к куполу. В одном сидит ее муж, Деле, второй пуст, третий занят незнакомой мне женщиной, а четвертый – ждет меня. Пухлый Деле Мартинез полон жизни, но тихоня. Мы встречались уже много раз и неплохо друг с другом ладим. Бола представляет женщину как Аминат, сестру, хотя она произносит это слово так, что оно может означать и старую подругу, близкую, как член семьи, но не кровную родственницу. Она довольно приятная, глаза улыбаются, волосы затягивает в некое подобие узла, одета в простые джинсы, но возраста примерно моего или моложе. Бола знает, что я одинок, и взяла на себя задачу найти мне подругу. Мне это не нравится, потому что... ну, когда люди сводничают, они знакомят тебя с теми, кто, как им кажется, достаточно на тебя похож. Каждый человек, которого они приводят, это комментарий к тому, каким они тебя видят. Если мне не нравилась ни одна из тех, с кем знакомила меня Бола, значит ли это, что она плохо меня знает, или что знает хорошо, но я

⁴ *Додо* – жареный плантан (крупный овощной банан).

⁵ *Дунду* – блюдо из жареного ямса или батата.

себя ненавижу?

Я сажусь и уклоняюсь от разговора, принявшись за еду. Зрительного контакта я избегаю, глядя в бинокль.

Толпа собралась на площади Санни, обычно широком открытом пространстве, окруженном лавочками спекулянтов и турагентов, за которым прячется улица Ошоди. Взрывается фейерверк, слишком рано, по ошибке. Большинство откладывает торжества на потом. Улица Ошоди – удачное место. Ее освещает купол, и все мы залиты этим сливочно-голубым электрическим сиянием. Щит Утопия-сити не ослепляет, и вблизи можно разглядеть жидкость, что колеблется и течет прямо под его поверхностью.

Бинокль очень навороченный, с инфракрасной чувствительностью и каким-то опциональным имплантат-хаком, который показывает личные сведения о тех, на кого я смотрю, получая данные тега через лазерный целеуказатель и скачивая информацию со спутника. Немного похоже на погружение в ксеносферу; я отключаю эту функцию, чтобы не напоминала о работе.

Долетает музыка, принесенная ночью, неприятная и какофоническая, потому что ее источник – конкурирующие религиозные группы, буйные личности и туристы, пляшущие на купол. В основном это пение в сопровождении перкуссии.

По моим прикидкам, там собралось несколько тысяч человек. Всех цветов и вероисповеданий: чернокожие нигерийцы, арабы, японцы, пакистанцы, иранцы, белые европей-

цы и куча всех остальных. Все надеются исцелиться или измениться каким-то особенным образом. Они поют и молятся, чтобы ускорить открытие. Купол, как всегда, безразличен и к их благоговению, и к богохульствам.

У одних на лицах застыл восторженный религиозный трепет, и они не могут произнести ни слова, другие подолгу и непрерывно вопят. С крыши на самодельных с виду страховочных ремнях свисает имам и проповедует через громкоговоритель. Его слова тонут в шуме, который пожирает смысл и интонации и высирает однородный рев. Завязываются драки – и тут же прекращаются, потому что никто не знает, может, нужно быть «хорошим», чтобы заслужить благословение Утопия-сити.

Доступ к куполу преграждает баррикада, перед ней выстроились вооруженные констебли. Первые из гражданских стоят в сотне метров от купола Утопия-сити, их сдерживает незримый шлагбаум. У полицейских такой вид, словно готовы стрелять на поражение. В прошлом они это уже делали, последний случай был три года назад, когда толпа вела себя беспрецедентно агрессивно. Семнадцать убитых, хотя жертвы встали на ноги во время тогдашнего Открытия. Они были... уничтожены две недели спустя, поскольку явно перестали быть собой. Такое случается. Утопия-сити может восстановить тело, но не душу. Бог сказал мне это в далеком пятьдесят пятом.

Переперченная акара обжигает, и я закашливаюсь. Под-

няв голову, мельком смотрю на небо и замечаю ущербный месяц, отважно бьющийся со световым загрязнением.

Я вижу, как ведет съемку пресса, как корреспонденты говорят в микрофоны. Ученые-любители тут и там тыкают огромными сканерами, точно пальцами, в сторону купола. Скептики, истинно верующие и те, кто между, – все собрались здесь.

Я чувствую легкое прикосновение к левому плечу и выныриваю из своих наблюдений. Аминат смотрит на меня. Бола с мужем отодвинулись, чтобы не подслушивать.

– Что вы видите? – спрашивает Аминат. Она улыбается, будто услышала какую-то шутку, но не уверена, что это не в мой адрес.

– Людей, жаждущих исцеления. А вы что видите?

– Нищету, – говорит Аминат. – Духовную нищету.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего. Может быть, человечеству надо время от времени болеть. Может быть, болезнь может чему-то научить.

– Вы противник Утопия-сити по политическим причинам?

– Едва ли. У меня нет политических взглядов. Я просто люблю рассматривать проблему со всех сторон. Вы не против?

Я качаю головой. Я не хочу здесь находиться, и, если бы не предложение Болы, я сидел бы дома и изучал свой уровень холестерина. Я заинтригован Аминат, но не настолько,

чтобы захотеть проникнуть в ее мысли. Она пытается завести беседу, но я не люблю говорить об Утопия-сити. Зачем тогда я живу в Роузуотере? Мне бы переехать в Лагос, Абуджу, Аккру, куда угодно, только подальше отсюда.

– Мне тоже не хочется здесь находиться, – говорит Аминат.

У меня мелькает догадка, что она прочла мои мысли и что Бола свела нас, потому что она тоже сенситив. Это бы меня выбесило.

– Давайте просто притворимся, чтобы Бола не расстроилась. Можем обменяться номерами в конце вечера и никогда друг другу не звонить. Если она спросит завтра, я ей скажу, что вы были внимательны ко мне, с вами было интересно, но искорки не проскочило. А вы скажете?..

– Что вечер был приятный, и вы мне понравились, но что-то не сложилось.

– И еще что у меня прекрасные туфли и восхитительная грудь.

– Э... ладно.

– Хорошо. Договорились. Пожмем руки?

Только руки мы пожать не можем, потому что мои все в масле от акары, но соприкасаемся тыльными сторонами ладоней, как заговорщики. Я вдруг замечаю, что улыбаюсь ей.

Звучит сигнал, и мы видим смутное пятно на куполе, первый знак. Темное пятно становится отверстием. Я видел это не так часто, как должен бы. Первые несколько раз еще смот-

рел, а спустя пять лет перестал замораживаться.

Отверстие почти круглой формы, диаметром шесть-семь футов. Черное как ночь, как уголь, как деготь. Выглядит как те темные штуки на поверхности Солнца. Это скучная часть. До первых исцелившихся еще полчаса. Пока что ничего не видно. Микробы носятся в воздухе. Ученые лихорадочно мечутся. Берут пробы воздуха, чтобы попытаться вырастить культуры на кровяном агаре. Тщетно. Ксеноформы не растут в искусственной среде.

На балконе все, кроме меня, делают глубокий вдох, пытаясь набрать в легкие как можно больше воздуха. Аминат отрывает взгляд от купола, изгибается в шезлонге и целует меня в губы. Это длится пару мгновений, и никто этого не видит, все сосредоточены на отверстии. Вскоре я и сам не уверен, что это случилось. И не представляю, что это может значить. Я умею читать мысли, но женщин все равно не понимаю.

И вот началось, внизу слышны первые восторженные крики. Невозможно ни проверить, ни узнать точно, какие болезни исчезают первыми. Если нет очевидного уродства или признака вроде желтухи, бледности или перелома кости, заметных изменений не будет, кроме эмоционального состояния исцеленного. Внизу, ближе к куполу, паломники помолже уже делают колесо и рыдают от благодарности.

Поднимается мужчина, которого принесли на носилках. Поначалу он шатается, но потом шагает увереннее. Даже с

такого расстояния мне видно, как широко распахнуты его безумные глаза и как быстро движутся губы. Новички не могут поверить.

Все происходит вспышками, а иногда кругами, которые расходятся по собравшейся толпе. Излечивается все: и незначительные, и чудовищные болезни.

Отверстие уже уменьшается. Сначала это заметно только мне и ученым. Они суетятся все сильнее. Один из них орет на остальных, но я не знаю почему.

Я слышу рядом звонкий смех. Аминат смеется от счастья, держит руки в сантиметре от лица, по щекам текут слезы. Она всхлипывает. Только сейчас я понимаю, что она тоже пришла за исцелением.

И в этот момент мне приходит сообщение. Я смотрю на свою ладонь и читаю текст на гибком подкожном полимере. Это снова босс.

«Кааро, перезвони сейчас же. Я не шушу».

Глава вторая. Роузуотер: 2066

Среди ночи я прибываю в Убар. Выхожу из последнего поезда, меня ждет машина. Убар – это район между Северным ганглием и самой широкой частью реки Йеманжа. Мы едем вдоль берега, потом сворачиваем на пустые дороги к темным зданиям. Водитель останавливается перед внушительными железными воротами и ждет, пока я выйду, потом уезжает.

Я вхожу в здание, принадлежащее Министерству сельского хозяйства. Снаружи это простая двухэтажная постройка, и табличка на ней обычная – покрытый пылью герб Нигерии. Внутри – приемная и офис с открытой планировкой. На одной стене – фотографии президента в рамках, на другой – мэра Роузуотера Джека Жака. Все как обычно. Не задерживаясь, я проношусь через помещение, и моя РЧИД считывается безошибочно, как рак.

Направляюсь напрямиком к лифту, идущему на подземные этажи. Они заняты и контролируются Отделом 45, или О45. Большинство никогда не слышало об этой малоизвестной ветви власти. Я о них знаю только потому, что работаю на них. До этого я был искателем и вором.

В О45 я занимаюсь в том числе допросами. Ненавижу допрашивать.

Сейчас три ноль-ноль, мы в темной комнате для переговоров. Два агента в черных костюмах стоят по бокам от за-

ключенного, раздетого и привязанного к стулу. Глаза у него завязаны. Агенты не разговаривают, и я не знаю, какие им нужны сведения. Я не пробую их прочесть, потому что организация не прислала бы тех, кто что-то знает. Это часть идеи какого-то бюрократа о том, что мозг объекта должен быть не запятнан ожиданиями. Они хотят, чтобы я скопировал всю информацию из его памяти. Это невыполнимая чушь, но сколько бы я ни передавал служебных записок сильным мира сего, они все равно требуют проводить допрос таким же образом.

Нельзя переписать данные с мозга на мозг, как файлы.

Передо мной мускулистый чернокожий мужчина без следов побоев, он прерывисто дышит. Время от времени он говорит «пожалуйста» на канури или хауса. Иногда он пробует игбо и йоруба, но я не уверен, что он свободно говорит на каком-то из этих языков. Мне не по себе, и я останавливаюсь в полуметре от него. Вхожу в ксеносферу. Для начала убеждаюсь, что он не сенситив. Я-образ похож на связанного мужчину. Это хорошо, значит, я не проведу тут всю ночь.

В голове у него насилие. Я вижу двоих людей, избивающих третьего в каком-то месте, похожем на задний двор. Мужчины наносят по очереди удары руками и ногами, а их жертва пытается не упасть, прикрываясь насколько возможно рукой. Человек избит, перепачкан, изо рта и носа сочится кровь. Кажется, он не боится. Более того, он, похоже, дразнит своих мучителей. Нападающие темнокожи, носят фор-

му, береты и очки, сделанные так, чтобы они выглядели одинаковыми. Они не из нигерийской армии или полиции, по крайней мере, судя по униформе. При ближайшем рассмотрении она кажется самодельной, как у народной дружины. Кобур у них нет, но у одного сзади из-за пояса торчит пистолет.

Есть еще кое-что странное: я не чувствую запаха двора и не ощущаю на языке пыли, которую поднимает троица. Нет вкуса крови во рту, какой должен быть у жертвы, нет боли от ударов в костяшках пальцев, какую должны ощущать нападающие. Наоборот, эта картина ассоциируется со вкусом еды и питья, а точнее кули-кули ⁶ и пива. Еще слышны обрывки мелодии на дешевых клавишных.

Я ненадолго вынырываю из ксеносферы и осматриваю заключенного. Захожу ему за спину и проверяю связанные руки. Костяшки у него темные и мозолистые. Такими они становятся, когда отжимаешься на кулаках и бьешь что-нибудь твердое, вроде стены или деревянного манекена, чтобы потерять чувствительность и стать лучшим бойцом. Я это знаю, потому что я делал это. Я проверяю, потому что никто из участников его воспоминания не выглядел опытным рукопашником. Он в этом не участвовал.

Может, он заказчик избиения? Откуда он наблюдал?

Потом до меня доходит.

– Ах ты ублюдок хитрожопый, – говорю я.

⁶ *Кули-кули* – закуска из обжаренной арахисовой пасты с солью и специями.

Снова вхожу в ксеносферу. Это «воспоминание» – инсценировка. Заключение смотрел запись на повторе, и при этом, видимо, ел и пил. Нашел, наверное, малоизвестный голливудский ⁷ фильм, откуда и дурацкая музыка, и дешевая постановка. Он не сенситив, но знает, что мы существуем и что он может столкнуться с одним из нас в случае ареста. А это значит, ему есть что скрывать. Я прошупываю воспоминание по краям, словно пытаюсь отклеить ценник от упаковки. Мне нужно найти зацепку. Я сосредотачиваюсь не на зрении и слухе, а на других чувствах. Осязание, обоняние, вкус.

– Привет, Грифон.

Та же женщина, что и сегодня вечером в банке, игривая, любопытная, неуловимая. Вторжение нарушает мою концентрацию, и я вижу, как избиение прокручивается снова и снова. Я ищу связанный я-образ, но нахожу только общий шум ксеносферы. Хаотичный мыслительный процесс. Бесполезно. Я раздражен, но срабатывает моя выучка, и я сосредотачиваюсь на текущем деле.

С избиением связаны ощущение легкого давления на ягодицы и еда, и это говорит мне, что он сидел в какой-то комнате и смотрел широкоэкранный телевизор или голограмму. Я улавливаю запах сигаретного дыма. Сцена смещается, дрожит, растворяется, и я оказываюсь в задымленной комнате с еще пятью людьми, которые не отрываются от экрана. Они

⁷ *Ноллиуд* – неофициальное прозвище нигерийской киноиндустрии.

не разговаривают, но пьют пиво, курят и закусывают едой, разложенной на подносе.

Я не люблю допросы, но у меня неплохо получается. Когда я решаю головоломку, то горжусь собой, а потом чувствую омерзение. Я стараюсь представлять себя адвокатом, который действует в рамках определенных параметров, не включающих в себя мораль. Сосредотачиваюсь на работе.

Выныриваю и говорю агентам:

– Мне нужен художник-криминалист. Срочно.

Я отчитываюсь перед начальницей, Феми Алаагомеджи. По видеосвязи, конечно же. Никто из секретных служб никогда по своей воле не войдет в одну комнату с сенситивом. Я точно знаю, что им не позволяют даже завязывать отношения с сенситивами и требуют сообщать о появлении сенситивов в семье. В последний раз я дышал одним с Феми воздухом шесть лет назад, а до этого – одиннадцать лет назад, когда она втянула меня в О45, как раз перед началом моей подготовки, когда Утопия-сити только возник, а Роузуотер еще зарождался.

Феми – самая прекрасная женщина, которую я видел. Физически она идеальна настолько, что больно смотреть. Я говорю с ней в стерильной комнате, по защищенному каналу. Сегодня у нее бордовая губная помада. Я случайно узнал, что у нее есть бордовый «Мерседес-Бенц» с откидным верхом. Должно быть, сегодня она приехала на нем на работу.

– Кааро, – говорит она.

– Феми, – говорю я.

– Зови меня миссис Алаагомеджи.

– Феми.

Этот танец мы танцуем давно. На самом деле она не раздражается, а я на самом деле не хамлю. И все равно мы играем эти роли.

– Кто этот заключенный, Феми?

– Засекречено, тебе ли не знать, вся эта наша любимая фиготень. Что ты для меня накопал?

– Лица. Пятеро. Художница отлично поработала, и сейчас прогоняет их через систему. Она также ищет местоположение, марку аппаратуры. Все. На сегодня хватит. Я устал, и мне скоро на работу.

– Это не работа. Ты контрактник. Твоя работа здесь.

– Хорошо. На мою вторую работу.

– Сколько времени это займет?

– Не знаю. Если назовешь мне его имя...

– Нет.

– ...или что он натворил...

– Нет.

– Тогда будем идти трудным путем, шаг за шагом. Я нахожу информацию, останавливаюсь, сообщаю художнице, и мы снова начинаем.

– Так тому и быть.

– Можно мне теперь домой?

– Еще минуточку. Как ты, Кааро?

– Нормально.

– Ты одинок.

– Я один, а не одинок. Уединение – не обязательно плохая штука. Я много читаю. Хочу научиться играть на гобое.

– Что читаешь?

– Хомского.

– Ясно. И правда учишься играть на гобое?

– Нет.

– Не знаю, зачем я и спрашиваю. Вали домой.

– Доброй ночи, Феми.

Когда машина О45 высаживает меня у дома, глаза у меня уже слипаются. Ночь проиграла битву с днем, и скоро Роузуотер проснется и отправится на работу. Город просыпается слоями. Сначала пищевой. Дальнобойщики привозят урожай из Ойо, Огбомошо, Илорина и Абеокуты. Маниок, кукуруза, ямсовая мука, просо, рис из Таиланда. Здесь теперь почти ничего не выращивают. Все это развозится по всяческим «Буккам», «Маминым кухням», «Кушать подано». Дешево, близко и необходимо чернорабочим, которым нужна сытная углеводная бомба, прежде чем отправиться вкалывать за плату меньше минимальной, использовать свои бицепсы, трицепсы и хребты, чтобы поднимать, рубить, пилить, стыковать, брить, забивать и мыть. Кухни заработали. Запахи выманивают наружу первый слой офисных работни-

ков, клерков, секретарей, мелких служащих. В течение двух часов роузуотерские специалисты среднего достатка разойдутся по своим офисам, больницам, адвокатским конторам, бухгалтерским фирмам и, конечно же, банкам.

Среди них буду и я, но мне нужно принять душ и позавтракать, может быть, выпить крепкого кофе. Я живу на втором этаже трехэтажки в Атево. Квартира открывается введением кода из восьми чисел, но есть и ключ для разблокировки.

Телефон принимает кучу сообщений, будто сигнал только что стал сильнее. Я подумываю о том, чтобы забить на банк, сказать себя больным и проспять весь день. Хочу узнать, кто пытается подобраться ко мне через ксеносферу. Раздеваюсь и нагишом иду в душ. Пробую этот фокус с теплой, потом холодной, а затем обжигающе горячей водой, но он меня не освежает. Зеркало показывает мне налитые кровью глаза, а под ними мешки – точь-в-точь с фотки извращенца в криминальной сводке.

– Выглядишь как идиот, – говорю я отражению. – Да ты и *есть* идиот. И жизнь твоя не имеет смысла.

Надеваю трусы и шлепаю в гостиную, не вытеревшись насухо.

– Майлз Дэвис, «So What», – говорю я сенсорам, и из динамиков вырывается басовая тема.

– Телефон, сообщения.

Я сажусь. Закрываю глаза. Слушаю.

Мой бухгалтер хочет обсудить налоги.

Звонок из Национальной научно-исследовательской лаборатории. Они просят уделить им три дня. Они заплатят. Я их проигнорирую. Я уже на них работал и больше не хочу. Они находятся в Лагосе и хотят знать о сенситивах. Ненавижу ездить в Лагос, а ученые из ННИЛ пялятся на меня так, словно хотят препарировать мой мозг, пока я еще жив.

Сообщение от Аминат, звучание ее голоса напоминает «музыкальные стулья». «Привет, Кааро. Я знаю, знаю, мы только притворялись. Но я поймала себя на том, что думаю о тебе, и мне интересно, что... (смех) Ох, боже, как это... Ладно, перезвони мне. Или не перезванивай. Я не такая приставучая, какой кажусь».

Она заставляет меня улыбнуться.

Телепродюсер, преследующий меня уже два года, обещает мне деньги и славу, если я появлюсь в «Талантах Нигерии».

– Привет, Грифон.

Сначала я подумал, что женщина оставила мне сообщение на телефоне, но это не так. Я открываю глаза, и косяк макрели, оку эко, проплывает мимо моего лица. Майлз все еще играет на трубе, но где-то далеко. Меня окружают меняющиеся цвета и зыбкие тени. Опускаю взгляд на свои руки, но их больше нет. Вместо них – перья.

Такой херни со мной давненько не случалось. Я в ксено-сфере: уснул и попал в ксеносферу. Нетрудно понять почему. Теплый душ, недосыпание.

– Грифон.

– Кто ты? – спрашиваю я вопреки всему, чему меня учили. – Мне нравятся твои перья, – говорит она. – Ты умеешь летать?

– Здесь кто угодно может летать. Кто ты?

Рыбы начинают меня бесить. Воздух плотный, как вода. Слышен приглушенный гул чужих голосов и мыслей. Я не могу разглядеть женщину, хотя слышу ее ясно. Никакого я-образа?

– Я – личность, – говорит она. – Я сама по себе.

– Да, но как твое имя? Кі І'огико е?

– А оно должно у меня быть?

– Да.

Она умолкает. Я пытаюсь почесать лицо, но вместо этого щекочу себя перьями. Расправляю крылья, так-то лучше.

– Меня зовут Молара, – говорит она.

Я ловлю одну из рыб клювом и ломаю ей хребет, потом бросаю на пол, себе под лапы. Она дергается и затихает.

– Покажись, – говорю я.

– Я не знаю как, – отвечает Молара.

Точно из диких. Я говорю, повторяя слова моего инструктора:

– Подумай о том, что любишь; о том, что ненавидишь; о том, чего боишься; о чем-то отвратительном или прекрасном. О том, что производит на тебя впечатление.

Пожарные машины всех форм и размеров проносятся ми-

мо с выключенными мигалками. Среди них есть игрушечные. За каждой бежит процессия в красном, крошечные липуты позади игрушечных, великаны следом за настоящими.

Перед лицом у меня распускается бабочка. Расправляет крылья, размах которых больше четырех метров. Она черная с синим, и ее крылья движутся в медленном величественном ритме.

В этот момент я просыпаюсь, выдернутый из ксеносферы телефонным звонком. Пару секунд я ничего не соображаю. Телефон замолкает, потом звонит снова.

– Да? – говорю я.

– Ты уже должен быть здесь, – сообщает Бола. – У тебя голос как с похмелья. У тебя похмелье?

– Ох, черт.

Я чудовищно опаздываю.

На голове у меня непонятно что, но лучше, чем у металлоголовых, так что сойдет. Клиенты облепили банк, как муравьи оброненный ребенком леденец. День после Открытия всегда хлопотный, потому что люди хотят повидать своих врачей и сдать анализы, чтобы подтвердить исцеление. Медицинское сообщество в Роузуотере не слишком крепкое и оживает только в это время года. Думается мне, навыки у них подзаржавели.

Файервол поставили без меня. Они читают Толстого. Я

сизу в комнате отдыха и натираю открытые участки кожи кетокназоловой мазью, чтобы не выходить в ксеносферу. У банка это самый тяжелый день в году, а мне не хочется утомляться еще сильнее. Я пью омерзительный растворимый кофе чашку за чашкой, чтобы не уснуть, бомбардир на скамейке запасных.

Интерлюдия: Задание

1. Лагос: 2060

Невыносимо жарко, но я все равно жду. Ручейки пота стекают по спине, затекают между ягодиц. Кое-как дышать я еще могу, но спертый, бедный кислородом воздух угрожает вырубить меня. Отдушка нафталиновых шариков забирается мне в нос и мозг, нашептывает правду и вымыслы о моей жене. Я едва удерживаюсь на месте. Висящая в шкафу одежда поглаживает мне спину. Внизу, у ног, теснится обувь, отвоевывая свободное место. Висящий ремень звякает при движении, и тишина делает звон оглушительным. Моя левая рука покоится на теплом дереве двери, правую я прижимаю к боку, нож тянет ее вниз.

Я жду.

В любой момент.

Я слышу, как где-то в доме хлопает дверь. Слышу писк автозапора и хихиканье, от которого я прихожу в бешенство. Вижу красные вспышки в темноте, словно на долю секунды к глазам приливает кровь. Чувствую, как сердце гонит ее по моему телу, вынуждая меня двигаться. Я жду.

Спотыкаясь и ошибаясь, двое людей проходят через мой дом, через наш дом. Распахивается дверь в комнату. Я представляю, как они стоят там и целуются. Я слышу, как чмока-

ют их губы. Мой кулак сжимается на рукояти ножа.

– Перестань, – говорит моя жена, но при этом смеется.

– Хорошо. Нет значит нет, – отвечает мужчина с напускной серьезностью.

До меня долетает запах ее духов. Я слышу предательский шорох спадающей на ковер одежды.

– Правда? – говорит моя жена.

Теперь кровь поет у меня в ушах. Голова словно распухла, во рту пересохло. Я чувствую, как съеживается мошонка.

Лидия, Лидия, Лидия.

Не знаю, мои это мысли, или любовник моей жены повторяет ее имя, но ее первый вздох удовольствия становится для меня сигналом.

Я вырываюсь из стеного шкафа. У меня есть несколько секунд полной свободы, потому что, переполненные страстью, они меня не слышат. Я у кровати. Лидия обнажена, лежит на спине, раздвинула ноги. Он – между этих ног, погрузил руку в ее влагилице и начинает поворачивать голову.

Я режу его первым, в шею, с хирургической точностью. Брызжет кровь, но я не обращаю внимания и дергаю его за правую руку. Лидия кричит. Ее зрачки – почти мультишные кружочки, таких огромных белков я никогда не видел. От злости я погружаю нож в ее левую глазницу, достаю его, потом втыкаю ей в горло. Оглядываюсь на мужчину, который держится за шею и орошает ковер своей кровью. Его рубашка промокла. Он делает беспорядочные движения, скоро

он умрет. Я поворачиваюсь к Лидии, которая захлебывается кровью.

Мне спешить некуда...

Меня рвет.

Я падаю на четвереньки и изрыгаю желто-зеленую слизь.

– Ох, сука. Это он сделал, – говорю я.

Охсукаохсукаохсука.

– Ты уверен? – спрашивает Феми. – Ни волос, ни ДНК, ни вещественных доказательств.

Я кашляю.

– Еб же твою мать, Феми, если я сказал, что это он, значит, это он. Это сделал он, ясно? Это, блядь, сделал я.

– Кааро, успокойся. – Она кладет руку мне на спину, но я ее стряхиваю.

– Я это сделал. Купил геножор, обработал им себя, а после того как убил их, выпустил в комнату. Элегантный хак дронов – и мои следы стерты с камер наблюдения. Я оплатил слепоту гостиничного персонала. Утопил их в реке иностранной валюты. Они и на смертном ложе будут клясться, что меня не видели.

Меня рвет.

– Кааро, ты имеешь в виду его, так ведь?

Ох, сука, как мерзко. Ох, сука. Ori mi. Помогите! Лидия!
Лидия!

Какого хера я чувствую себя, словно... В чем я виноват?

– Помоги мне, – говорю я. – Помоги.

Я заползаю в угол. Меня трясет не переставая. Я не могу не видеть свою поднимающуюся и падающую руку, широко открытые глаза, бьющую кровь...

– Сверхидентификация, – говорит доктор. Я не помню его имя. Мне он не нравится.

Три месяца после задания. Я изолирован, «выставлен на холод», как это называют. Меня запихнули в мозгоправку для полевых агентов, которые двинулись башкой, а я совершенно определенно двинулся башкой.

Он продолжает:

– Вы слишком сильно идентифицировали себя с объектом. Границы эго размылись, и вы утратили целостность собственного «я». Вы думали, что вы – это он.

– Здесь я это понимаю, – говорю я, указывая на свою голову, – а сердцем – нет.

Он смеется.

– Это уже прогресс по сравнению с тем, каким вы прибыли. Если понимаете головой, то и сердце к этому придет.

Я не совсем уверен. Я не совсем уверен, кто я. То есть знаю, что я – Кааро, и работаю на О45, и обучался у профессора Илери, и живу в Роузуотере, и... но... но я *помню*, как вздыхает Лидия сразу после секса, перед тем как попросить у меня стакан воды. Я помню, как надел кольцо ей на палец в день нашей свадьбы. Биокупол – смесь лазури и ванили – на заднем плане наших свадебных фоток. Я помню, как она готовила. Помню, как открывал кастрюлю и видел подливу,

которая пузырилась, булькала, как пена у нее в горле, когда я...

Я чувствую, как по щеке стекает слеза.

– Док, я скучаю по ней, – говорю я. – Если мы никогда не встречались, почему я так по ней скучаю? Почему я чувствую себя виноватым?

– Может быть, вы чувствуете вину, потому что есть кто-то, кого вы, Кааро, подсознательно желаете уничтожить. Убийство Лидии осуществило это желание. В глубине нашего разума таятся демоны и гремлины животных инстинктов, стремящиеся к выражению.

Он бросает взгляд на монитор и спрашивает:

– Вы принимали таблетки?

Нет.

– Да.

Нет. У меня из-за них не стоит.

– Это третий антидепрессант, который мы попробовали. Я никогда не видел такой сильной реакции. Илери думает, это из-за того, что у вас более развитые способности, чем у всех остальных.

– Моя жена умерла. Я же должен грустить, правда? – спрашиваю я.

– Кааро, вы никогда не были женаты. Вы даже не встречались с Лидией. Вы провели время в голове ее мужа-убийцы. Опыт вас настолько потряс, что вы не можете отстраниться. Таблетки не работают. Я хотел бы попробовать кое-что еще.

Он пододвигает мне бланки согласия на шоковую терапию.

Я выхожу на улицу.

Очень хочется сигарету, хотя я не курил уже давно. Просто такое ощущение, что я должен закурить.

Девять месяцев. За то время, что я потерял, у меня мог бы родиться ребенок.

Дрон спускается, чтобы удостоверит мою личность, потом улетает прочь.

Телефонный звонок. Это Феми, и я его игнорирую. Отличная служба на благо страны, бла-бла, убийца приговорен к пожизненному, бла-бла, жертва, жертва, жертва, бла-бла.

Я не помню всего, что случилось, у меня провалы в памяти. Часть меня думает, что, возможно, у провалов есть причина и что на самом деле я не желаю знать.

Но во мне живет печаль. Не знаю почему, но я ее чувствую.

Сколько бы мне ни заплатили, этого не хватит.

Я высматриваю такси.

Глава третья. Роузуотер: 2066

Когда я возвращаюсь вечером домой, у моей двери стоит реанимат, второй за день. Первого я встречаю в 18.15, в противострелочном поезде до Атево.

На неделю после Открытия Спецподразделение нигерийской армии вводит комендантский час. Это исключительно палаческий отряд, и единственная его задача – убийство реаниматов и уничтожение останков. Все должны быть дома к 19.30, иначе рискуют быть застрелены, убиты током или сожжены.

Я немного опаздываю и бегу до платформы. Запыхавшись, я едва успеваю запрыгнуть в вагон, как поезд сразу трогается. Я не устал, потому что отработал только полдня, но планирую сесть и собраться с мыслями. Банковский район находится в Алабе. Между ним и Атево только одна остановка, Илубе. Когда ганглий работает, путь занимает двадцать минут.

По вагону идет девочка, продающая воду, апельсины, орехи, газировку и еще какую-то фигню. Она удерживает равновесие, хватаясь одной рукой за поручни сидений. Я ничего не покупаю. В вагоне еще четверо. Мужчина в сером костюме стоит ко мне спиной и смотрит в окно. Он склонил голову. Вагон старый. Сиденья покрыты бурым кожзамом. Запах от него затхлый, но не отталкивающий. Шесть лет назад мы

импортировали старые поезда из Италии. Подозреваю, что все они были времен Второй мировой, но их заменили эти-ми, новыми, которые выглядят получше, но довольно при-митивны, словно это образцы, по которым делаются все со-временные поезда, а не самостоятельные изделия.

Над полками для багажа висят плакаты, в основном порт-реты Джека Жака. Он показывает большой палец и улыбает-ся, выстреливая в нас белизной своих зубов. Статус Роузю-отера в Нигерии неясен, но мэр – глава того, что сходит за местное самоуправление. Я его встречал, он нарцисс, дема-гог и президентский холуй. Утопия-сити игнорируется, это неназываемый город. Семь лет назад Законодательное со-брание объявило, что он не является субъектом права. Нам нравится делать вид, что это естественное образование, вро-де холма или скалы Олумо в Абеокуте. Рядом висят афиши концертов и незаконно расклеенная религиозная реклама. Сиденья неудобны, но задремать на них можно, что я и де-лаю. Просыпаюсь я, вздрогнув, потому что слышу рычание.

Человек в костюме, стоявший ко мне спиной, навис над парочкой.

Он повернулся ко мне боком, на его лицо падает тень от потолочной лампы. Женщина отбивается свернутым журна-лом – это бесполезно и даже комично. Другой рукой она об-нимает мужчину, который, кажется, ранен. Рычащий чело-век покачивается в такт вибрации поезда.

– Эй! – говорю я и поднимаюсь.

Человек в костюме оборачивается ко мне. Голова у него ненормально вытянутая, одного глаза нет, и пустая глазница зияет, точно второй беззубый рот. Кроме того, голова сплюснута, будто в компенсацию за удлинение, и выглядит так, словно ее не до конца раздавили. Нос искривлен, как будто нижняя часть лица хочет двинуться в одном направлении, а верхняя выбирает другое. Левое ухо болтается на тонком волокне человеческой ткани. Но, несмотря на все это, крови нет, и непохоже, чтобы ему было больно.

До него около метра, и он бросается ко мне. Кроме серого костюма на нем белые перчатки, искусственная гвоздика в петлице, белая рубашка, синий галстук. Я выжидаю, выдыхаю и бью его ногой в середину груди, целясь в синюю полосу. Хороший удар. Чувствую зловонный выдох, сорвавшийся с его губ. Он еще стоит, и я бью его второй ногой. Он отшатывается и ударяется спиной о центральный поручень, который глухо звякает. Краем глаза замечаю, что парочка удирает из вагона. Я их не виню.

Реанимат снова кидается ко мне. Мне нечем его убить. Я не люблю драться. Я вообще-то трус. Когда я воровал, чтобы выжить, то работал по квартирам, непосредственно людей не грабил, избегал любого прямого контакта, пока меня не завербовал О45. Базовая подготовка по рукопашному бою, основанная на карате и крав-мага, почти не изменила моего отношения к насилию. Я в этом не силен, но кое-что умею. Со множеством противников, как в кино про кунг-фу,

не справлюсь, но одного реанимата одолею. Наверное.

Потолочные огни мигают. Я хватаюсь руками за ремешки на поручнях, подтягиваюсь и пинаю его в голову. Он падает, но снова поднимается. Надеюсь, парочка подняла тревогу, хотя я не верю в это. Мы бы тогда затормозили, хотя машинист мог просто покинуть кабину и бросить поезд.

Реанимат замахивается. Я поднимаю руки, как меня учили, и блокирую его неуклюжие удары. Из разбитого мной лица течет кровь, и какая-то розовая жидкость сочится из его левого уха. Я бью его по лицу и по животу, пытаюсь выиграть время и справиться со своим дыханием и страхом. Здесь, в этом вагоне, нет ничего, что можно использовать как оружие, даже нелетальное. Окна – из двойного пуленепробиваемого стекла. Мелькает мысль, не стоит ли просто сбежать, а потом дожидаться, когда власти разберутся с ним на следующей станции, но мы в последнем вагоне, и реанимат загроживает выход.

Поезд делает поворот, и нас швыряет вправо. Я хватаюсь за сиденье, меня заносит в сторону, а реанимат врезается в окно. Оно не разбивается, но на месте удара остается кровавое пятно. Пятисантиметровая квадратная наклейка спрашивает: «Готов ли ТЫ встретить ИИСУСА?»

Реанимат падает поперек двух сидений. Подлокотник, должно быть, врезается ему в живот, пока он дергается, пытаюсь перевернуться. Голова его висит на той высоте, где люди вытягивают ноги. Это прекрасная возможность смотать-

ся.

Его рука неловко висит над соседним сиденьем. Я ударяю ногой в плечевой сустав, соединяющий руку с торсом. Чувствую, как он поддается. Реанимат падает ниже, конечность бесполезно болтается. Он не кричит.

Реанимат поднимается, опираясь на одну руку. Он все еще пытается достать меня рабочей рукой, но выглядит это жалко и, наверное, смешно. Я больше его не боюсь. Бью снова – прямой удар правой, от бедра, всем весом. Его голова дергается, я чувствую в кулаке отдачу, но он все еще стоит. Почему я не могу вырубить этого безмозглого ублюдка?

Я продолжаю пинать и бить, пока его лицо не становится красно-коричневым месивом. Я все еще бью его, когда человек с тремя полосками на зеленой армейской рубашке заходит в вагон и всаживает пулю в череп реанимата.

– Здесь сказано, что у вас есть лицензия на скрытое ношение оружия, – говорит парень из спецподразделения.

– Да, – говорю я.

Он выжидающе молчит.

– Я *могу* носить пушку. Но не ношу. Это мое решение.

Мы в офисе начальника станции Атево. Это короткий допрос.

Комендантский час еще не наступил, однако отряды СП уже собираются. Этот сержант был в поезде и увидел атакованную парочку. Машинист слегка раздражен тем, что мы

забрызгали кровью его поезд.

Передо мной стакан чего-то шипучего и оранжевого. У сержанта дома больная мать и старший брат-инвалид. Он пошел в армию, чтобы обеспечить их, чтобы помочь. Я получаю эту информацию быстро, за секунды. Драка, напряжение – из-за них я вспотел и противогрибковая мазь сошла. Я открыт для мира. Или открыт для мирового разума. Я просто хочу домой. Солдатик думает, что помогает, но это не так.

– Я должен составить рапорт, и он отправится вашему начальству, – говорит он. И наклоняет голову, словно извиняется, словно ему стыдно за это.

Я пожимаю плечами.

– Я могу идти?

– Я загрузил пропуск на ваш имплантат, просто чтобы вы добрались домой вовремя, без стычек с другими отрядами СП.

– Спасибо.

*Esprit de corps.*⁸

Я иду домой, а там, у меня на пороге, стоит еще один реанимат. Женщина.

Я не в настроении снова драться. Перебираю другие варианты. Я мог бы подождать, но не хочу торчать на улице. Есть парочка друзей, но не настолько близких, чтобы звонить им в таких случаях. Реаниматка бьется головой в дверь. Она по-

⁸ *Esprit de corps* (фр.) – чувство солидарности.

хожа на школьную директрису, одета в юбку, блузку и удобные туфли. Пачкает отделку кровью. Думаю, другие жильцы слышат стук, но игнорируют его. Я подхожу к ней сзади, и она меня пока не заметила.

Поддавшись импульсу, я звоню Аминат.

Один гудок, потом громкое шипение, и я отодвигаю телефон от уха. Шипение прекращается, и я слышу ее голос.

– Алло? – говорит она.

– Это что такое было? – спрашиваю я.

– Кааро! Не обращай внимания. Я готовлю. Как дела?

Реаниматка слышит наш разговор и оборачивается.

– Это прозвучит странно и нахально с моей стороны, так что я заранее извиняюсь...

– Да.

– Я не сказал, что мне нужно...

– Ты можешь прийти.

– Как ты...

– Поспеши. Уже комендантский час. – Она дает мне адрес.

Я ухожу в тот момент, когда реаниматка решает подойти ко мне поближе.

Аминат включает «Top Rankin'»⁹ и тихо подпевает, ставя мой стакан на столик для закусок. Она ходит босиком, в закатанных джинсах и блузке без украшений – аккуратный повседневный наряд.

⁹ «Top Rankin'» – песня Боба Марли из альбома 1979 года «Survival».

У нее дом в Тайво, на следующей станции по часовой от меня, ближе к Северному ганглию. Это более благополучный район, где в каждом гараже есть машина, и повсюду колючая проволока и охранные системы. У них такая мощная спутниковая технология, какую раньше только в шпионских триллерах можно было увидеть.

Мне неловко, что я заявился к ней, но Аминат воспринимает это так естественно, что от дискомфорта вскоре не остается и следа. Здесь тепло, играет регги двадцатого века и слегка пахнет благовониями. Она отводит меня в ванную; я думал, она поухаживает за мной, но Аминат выдает мне вату, воду, мыло, пластырь, дезинфицирующее средство, йод и улыбку. Она говорит, что будет в гостиной, а я могу пока отмыть руки и лицо от крови. Приведя себя в относительно приличный вид, я присоединяюсь к ней, она ставит передо мной напиток, от нее исходит запах жасмина. Потом садится напротив, все еще беззвучно подпевая Бобу Марли, и смотрит.

– Так ты, значит, что-то вроде поэта-воина? – спрашивает она.

– Все не так романтично, – отвечаю я. – Я не дерусь и не пишу стихи.

– И все же у тебя на руках кровь. Кто ты, Кааро? Это имя или фамилия?

– Просто Кааро.

– Ты йоруба?

– Да.

– И твое имя значит «доброе утро»?

– Да и нет. Полное имя – «Пе Кааго о Јиire», что можно перевести как «доброе утро, приятного пробуждения», однако это термин, который означает: «все люди и земли, говорящие на Йоруба».

– Странное имя. Тебя так родители называли?

– Да. У меня был идейный отец.

– Это он сказал тебе не пользоваться фамилией?

– Нет, это была моя идея.

– Как тебе это сходит с рук в банке? – Она скрещивает ноги и делает глоток. В ее движениях чувствуется гибкость, призрак спортивных тренировок.

– Что вообще Бола тебе обо мне рассказала? – спрашиваю я.

Она смеется:

– Сказала, что знает парня, который мне подойдет. Симпатичный, одинокий, с приличной работой и не козел. Похоже, она понятия не имела, есть ли у нас что-то общее, и не заморачивалась этим.

– Ты знаешь, чем я занимаюсь в банке?

– Борешься с мошенниками? Занимаешься «нигерийскими письмами», как Бола.

Искушение заглянуть к ней в голову очень велико, но я не поддаюсь. Это одна из причин, по которой я не хожу на свидания. Побывав в ксеносфере, привыкаешь к быстрым зна-

комствам. Моментальный скан – и ты узнаешь, что у стоящего перед тобой человека есть вторая жена или тайный порок. Обычно, как это происходит у всех нормальных людей, двое раскрываются друг перед другом постепенно и с оговорками, однако это необходимо для настоящих отношений. Терпение.

Автоматная очередь на несколько секунд перекрывает музыку, и Аминат вздрагивает.

– Выбраковка, – говорит она.

– Расскажи о себе, – предлагаю я. Мне реаниматов не жалко, но что-то в ее голосе подсказывает, что ей – да. – Откуда ты знаешь Болу?

– Она моя невестка.

– Ты сестра Деле?

– Нет, ее первого мужа. Доминика.

– О? Я не знал, что она уже была замужем.

Она поднимается, идет к шкафу и возвращается с одной из тех цифровых фоторамок, в которых изображения меняются каждые несколько секунд. Эта показывает по кругу фотографии одного и того же мужчины в разных местах и ситуациях.

– Это Доминик Аригбеде, – говорит она. – Был.

Он худой, даже тощий, щеки впалые, как у человека, с рождения страдавшего нехваткой веса, а не изможденного голодом или больного. Кожа довольно светлая, как у Аминат. Глаза теплые и выразительные. Вот он получает какой-то ди-

плом. Вот он в костюме. Вот он женится на мучительно юной Боле.

– Когда они разошлись?

– Они не расходились. Он умер.

– Мне очень жаль.

Она пожимает плечами и забирает у меня рамку.

– Иногда он мне снится. Всегда просит передать Боле, чтобы она его навестила.

– А ты?

– Что я?

– Ну... почему ты не замужем? Ты так хорошо разбираешься в обуви и... эм... у тебя восхитительная грудь.

– Боюсь, я просто обычная разведенка. Моему бывшему захотелось более плодovitую жену.

– И снова прости. Я сегодня выбираю неудачные темы.

– Не надо извиняться. Он щедрый. Я получила дом и приличную сумму денег. Это дает мне много возможностей. А что насчет тебя?

– Я никогда не был женат. Не сложилось.

– Дети?

Я покачал головой.

– Почему?

– Так уж получилось.

– А что говорят твои родители?

– Не знаю. Я с ними почти не общаюсь.

– Можно спросить, сколько тебе лет?

– Больше сорока, меньше пятидесяти.

– А почему у тебя нет фамилии? Ты преступник? Ты опасен?

Заговорщический тон, поднятая бровь. На висках линии вмятин, выдающие, что она носит очки.

Я подхожу к ней.

– Я не опасен.

Она встает.

– Посмотрим.

Пока мы занимаемся любовью, мокрые и голодные, кетоназол стирается, и я воспаряю в ксеносферу.

Я еще двигаюсь, когда замечаю бабочку. Молару.

Она смотрит на меня, медленно помахивая крыльями, и усики ее время от времени подрагивают.

Улетай, мысленно говорю я ей.

Она не улетает.

В миг моего оргазма она расправляет крылья, и весь мир заполняется черно-синим узором.

Глава четвертая.

Лагос: 2032, 2042, 2043

Сложно объяснить, как это – быть сенситивом. Нет ни знамений при рождении, ни атмосферных явлений, ни благовещения о моем прибытии в мир. По всем меркам я обычный ребенок, с пятью пальцами на руках и ногах, потницей и молочными корочками.

Первый раз я чувствую что-то в восемь или девять лет, когда несусь по нашей улице, стараясь успеть домой до темноты. Хотя мы и живем в Лагосе, в моем квартале дети в безопасности. Неожиданно мне хочется осмотреть мусорный бак. Я не знаю почему. Я открываю его и нахожу младенца, девочку. Она в крови, завалена мусором, но жива, в сознании и спокойна. Смотрит на меня и моргает. Я достаю ее. Помню, что был поражен ее размерами и тем, как двигались ее ручки, словно что-то исследовали, и как все ее тельце вздрагивало каждые несколько минут.

Я хочу отнести ее домой и оставить у нас. У меня нет братьев или сестер, и для моего детского сознания это решение всех проблем. Я беру ее с собой, но по пути меня останавливает женщина в лаппе¹⁰ и головном платке.

– Чей это ребенок? – спрашивает она обвиняющим тоном.

¹⁰ *Лаппа*, или *драпировка*, – традиционная одежда из красочной ткани.

– Это моя сестра, – отвечаю я. И в этот момент малышка начинает всхлипывать.

– Вот это твоя сестра?

Девочка абсолютно на меня не похожа, да еще и грязная, так что подозрения женщины понятны, но только не мне, восьмилетнему.

– Да. Я несу ее домой.

– Как ее зовут?

– Ее... зовут... это самое...

– Это твоя сестра, а ты не помнишь ее имени?

– Я...

– Отдай мне ребенка.

Девочка начинает плакать, собирая небольшую толпу. Женщина отбирает ее у меня и начинает баюкать. Вскоре прибывает полиция. Когда я возмущаюсь, они отвешивают мне подзатыльник.

Я кричу: «Это моя сестра! Она моя, она моя!», пока мама не приходит забрать меня. Она думает, что я услышал детский плач. И она не злится на меня. Когда она говорит мне принять ванну, глаза у нее мягкие и влажные. Позже я узнаю, что служанка в одном из домов через несколько улиц от нас забеременела, прятала фигуру, родила и выбросила ребенка вместе с последом в мусорный бак. Слово «послед» я слышу впервые, и значение его узнаю с омерзением.

Время идет. Я расту.

В школе событий мало. Я не ненавижу ее и не люблю, ничем не выделяюсь среди других. Я не спортсмен, не умник и не крутой. Стараюсь не попадать в переделки. Почти не вижу дома отца, который все время на работе. Со временем эмоционально отдаляюсь от матери – мы не то что ненавидим друг друга, просто отработываем сыновне-родительские отношения. Со временем воспоминания всегда искажаются, но мне кажется, что отдаление начинается с малышки, которую я нахожу, но не могу оставить себе.

Мне семнадцать. В каникулы я подрабатываю на бумажной фабрике и думаю об университете. Работа офисная и скучная. Я моложе всех в этой конторе, и мое присутствие озадачивает остальных. Зарплаты хватает только на проезд и еду. Меня окружают старые, неинтересные люди. В моем офисе есть мужик, которому сорок лет!

Однажды я ловлю такси в Лагосе, на автобусной остановке на Икороду-роуд, я опаздываю на работу и собираюсь потратить деньги, которых у меня нет, как вдруг у меня появляется это чувство. Это словно дежавю, воспоминание о том времени, когда мне было восемь, но не совсем. Это словно знать, что два плюс два равняется четырем, хотя никто тебя этому не учил. Это уверенность, а не убеждение, так же как вера в бога – это убеждение, а вера в гравитацию – уверенность.

Мое тело, кажется, узнает об этом быстрее разума, потому что я ухожу с остановки. Семь минут иду вдоль Икоро-

ду-роуд. Останавливаюсь и жду семьдесят секунд, пока из такси выпархивает стайка студентов. Я забираюсь внутрь и называю водителю адрес, который никогда не слышал и куда ехать не собираюсь. Все это я проделываю спокойно.

Спустя пятнадцать минут и восемь секунд поездки я говорю водителю остановиться. Плачу ему и выхожу из машины. Останавливаюсь и осматриваюсь. Вижу уличных торговцев и бунгало типа «лицом-к-лицу». Дорога не асфальтирована, но, что странно, ям на ней нет. Каждая машина, проезжая, поднимает клубы пыли. Витрин и уличных фонарей нет.

Я остановился посреди улицы и направляюсь на север. Прибываю на перекресток в виде буквы «т». Улица Кехинде, а перпендикулярно ей – улица Аго. Я жду. Никто не пялится на меня и не интересуется, почему я стою столбом, а я не чувствую себя неловко.

Когда о таких вещах пишут или снимают кино, то всегда показывают это так, словно ясновидящий слышит голоса или его посещают видения, но теперь я знаю, что это неправда. Нет голосов, нет видений. Есть только знание.

Потом начинают подтягиваться люди и встают рядом со мной, странные, выбивающиеся из толпы личности – я с такими почти не общаюсь. Я в деловой одежде – черные брюки, белая рубашка с галстуком, две ручки в кармане, синяя и красная. Первым появляется старик в очках, полностью лысый, ростом на вид метр двадцать, с изборожденным морщинами лицом. Он встает справа от меня, опираясь на трость.

Я знаю, что его зовут Кореде, хотя никогда не встречал его. Следом за ним приходит худая девушка, лет, может, на четыре-пять старше меня, в пропотевшей хлопковой блузке, она задыхается, но не от усталости, а из-за болезни, возможно, из-за серповидноклеточной анемии. У нее вытянутое лицо, белки глаз выцветшие, с желтоватым оттенком. Она пахнет табаком и ананасами. Девушка встает передо мной, загораживая вид на дорогу, но я не сержусь. Ее зовут Селина.

Приходит еще человек, и еще, и еще. Хоть я никогда их и не встречал, у меня ощущение, что мы знакомы. Иногда это называют «жаме вю»¹¹. Я знаю, что эти люди тоже знают меня. Мне интересно, чего мы все ждем.

– Грузовик, – отвечает Кореде, хотя не говорит вслух. – Или автобус.

– Фургон, – говорит Селина.

Я знаю, что она права, но и Кореде тоже, хотя он и ошибается. Фургон подъезжает, подняв гигантское облако пыли. Мы все заходим внутрь, но он не трогается.

– Еще один, – говорит водитель, и это верно, думаю я. Селина озадаченно смотрит на меня.

– У него это в первый раз, – говорит Кореде. – Он не знает.

– Он самый молодой, – говорит Селина.

– *Omo t'oba m'owo we, a b'agba jeun*, – отвечает Кореде. «Ребенок, который умеет мыть руки, будет есть со взрослыми»

¹¹ *Jamais vu* – противоположное дежавю состояние, при котором знакомые предметы или люди кажутся человеку увиденными впервые.

ми».

А что хорошего в том, чтобы есть со взрослыми? Они говорят о вещах, которых я не понимаю, и от некоторых из них пахнет. Я думаю это про себя, но Кореде улавливает мысль и чуть нахмуривается. Его рука стискивает трость.

Никто ничего не говорит, и я готов уже задать вопрос, когда дверь фургона открывается и входит полный мужчина. Его зовут Ийанда. Фургон трогается, и я не могу уследить за извилистым путем, которым он едет. *Рука никогда не заблудится по дороге ко рту*, говорит кто-то. А может, думает, я не знаю, но это должно меня подбодрить.

Спустя примерно сорок минут грузовик выезжает на кольцевой перекресток в городе под названием Эшо, незнакомом мне. Мы останавливаемся у самого заметного здания, часовой башни без часов. Циферблат на ней нарисован.

– Тут странно, – говорит Кореде. – Каждый час кто-нибудь взбирается на колокольню и рисует точное время. Колокола наверху нет, но есть балка с чугунным хомутом в том месте, где он мог висеть. Существует строгое расписание, и горожане его четко придерживаются.

Старики знают кучу фигни и обожают делиться. Я просто не люблю слушать.

Фургон паркуется точно под нарисованными часами, на земле, забрызганной старой и свежей краской. Для меня это интереснее самих часов. словно арт-инсталляция, живой взрыв множества цветов, буйствующих под раннеполу-

денным солнцем. Мы все выбираемся и осматриваемся.

Жители Эшо нас в основном игнорируют. Следы ведут как к луже краски, так и от нее. Сотни, может быть, тысячи отпечатков ботинок, одни недавние, другие выцветшие, третьи – лишь призраки следов живых и умерших людей. Я знаю, что Ийанда подумывает купить городу новое здание администрации и работающие часы, но еще я знаю, что город не беден. Я вижу машины, и среди них немалое количество «Мерседесов», вижу, что на главной площади нет попрошайек. Люди хорошо одеты, и это знак достатка. Нет, они перекрашивают часы сознательно. Это традиция.

Может, это здание городской администрации, может, раньше оно было церковью, но я знаю, что это не важно. Перед открытыми двойными дверьми ожидает мужчина. Внутри стоит гроб. Мы выгружаемся из фургона, и все как один обходим краску. Ийанда лениво считает в уме, перемножая стоимость краски за один год на вероятность падений. Селина хотела бы, чтобы он перестал постоянно все воспринимать в денежном эквиваленте.

– Мы здесь ради нашего покойного брата, – говорит Корде. – Давайте переключимся на него.

Мы окружаем гроб, и я знаю, кем был умерший. Я видел трупы и раньше, даже родственников, но ни один не вызывал таких чувств, как этот человек, которого я никогда раньше не встречал, но не чужой мне. Бородатый, с растрепанными пепельно-седыми волосами. Его лицо покрыто шрамами, как

будто он пробежал через склад, полный бритвенных лезвий. Его веки зашиты, но нить тонка, и я замечаю ее только потому, что интересуюсь такими вещами. Пахнет благовониями, но под ними чувствуется легкий душок формальдегида. Я чувствую глубокую печаль и, к своему удивлению, понимаю, что вот-вот заплачу.

Кореде придвигается ко мне.

– Вы не всегда опираетесь на трость, – замечаю я.

– Если расстояние небольшое, справляюсь сам, – говорит он. – Что ты чувствуешь?

– Тоску. Почему мне кажется, что мы знакомы, если мы даже не встречались? Почему мне грустно?

Кореде вздыхает:

– Тебе тоскливо, потому что ты чувствуешь, что тебе не хватает человека, похожего на тебя, отличавшегося от других чем-то неочевидным. Тебе кажется, что вы знакомы, потому что такие, как мы, всегда ощущают друг друга, даже не осознавая этого. Это как дыхание. Большую часть времени ты не осознаешь, что делаешь это, но попробуй задержать дыхание – и, готов поспорить, ты по нему заскучаешь, – он издает короткий, лающий смешок. Вблизи мне видны все его поры. Не могу поверить, что однажды со мной это тоже случится.

– Кто мы?

– Мы – люди, которые знают, – говорит Кореде, словно это что-то объясняет.

Я перевожу взгляд на тело.

– Такое чувство, что он не умер.

– Это потому, что он не умер. Его дух где-то в воздухе.

Этот человек был бездомным бродягой. Тот, о ком мы скорбим, всего лишь нашел прибежище в этом теле. Он отправился дальше.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Поймешь. Знаешь, однажды я его видел. Это был самый жуткий день в моей жизни. Молись, чтобы вы никогда не встретились.

Прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в виду, Корее уходит.

Никто не говорит надгробного слова, нет ни одного родственника. Есть выпивка, играет музыка, люди танцуют, и все это не кажется мне странным. В какой-то момент пирушки, когда я уже немного пьян, Селина загоняет меня в угол и говорит, что я – искатель.

– Ничто не затеряется, ничто не укроется от тебя.

Как и Корее, она ничего не объясняет, да это и не нужно. Я знаю. Я вижу мир по-другому. Физические объекты все те же, дешевая лакировка гроба, линолеум на полу, грязные люстры, дешевая выпивка, музыка, запах тел некоторых людей вокруг и дуновение ветерка от вентилятора на коже руки. Но появилось что-то еще, словно орган или железа, прежде не работавшая, начала функционировать, и я смог ощутить новое измерение. Как в тех видеоиграх, где ценные

предметы светятся, когда игрок приближается к ним.

Я размышляю над этим, пока бездомного хоронят. Хоть тело и засыпают землей, я чувствую его где-то там, в воздухе, как и говорил Кореде.

Когда мы садимся в фургон и возвращаемся на перекресток Кехинде и Аго, уже темно. Каждый идет своей дорогой, и больше я их не увижу. Ну, это не совсем правда, но по существу все именно так. Почти так.

Когда я добираюсь домой, большая часть знания улетучивается, словно пребывание в одном месте с Кореде и Селиной усиливало то, что зарождалось во мне. К тому времени, как я проскальзываю в свою комнату, прячась от мамы, это кажется сном.

Из любопытства я отыскиваю Эшо в Нимбусе, надеясь разузнать о нарисованных часах. Оказывается, что «Эшо» – это англазированное старое название «Эсо», а традиция перерисовывания часов соблюдается веками. В конце 1700-х поселку угрожают мародеры, сборная солянка из португальских и занзибарских работорговцев, хотя данные разнятся. Белый священник, отец Маринементус, проповедовавший в Эсо, подает идею построить фальшивую часовую башню, чтобы обмануть мародеров, заставив их поверить, что поселок уже принадлежит какой-нибудь европейской империи. Так как на поселок никто никогда не напал, жители Эсо думают, что хитрость сработала, и продолжают это делать.

Все эти годы они рисуют фальшивое время, обманывая

лазутчиков с подозрными трубами, подделывают время, чтобы остаться в живых.

С того дня я начинаю искать для людей вещи. Это словно навязчивая идея, которой следуешь маниакально, со странной, эротической потребностью завершения. Я нахожу ключи от машин, воспоминания, фамильные броши, заначенные деньги, ПИН-коды, мобильники, фотографии любимых, математические формулы и супругов. Всегда есть женщины, ищущие загулявших мужей, и рогоносцы, выслеживающие жен. Насилием это кончается не так часто, как можно подумать.

Я не планирую становиться вором. Это происходит само собой. Я прихожу с родителями в гости к дяде, и голова пылает от драгоценностей, как от углей. Это раздражает и отвлекает внимание, пока мы болтаем, и пьем «Стар Лагер», и едим перечный суп. Я не могу сосредоточиться и придумываю оправдание – не совсем надуманное, в туалет мне правда надо.

Опорожнив мочевой пузырь, прокрадываюсь в комнату тети. Нахожу ее золото и алмазы в шкатулке под ковром и фальшивой половицей. Я знаю, что ключ у нее на комод, спрятан на самом виду. Я знаю, что дядюшка прячет тысячи долларов наличкой в потолке. Еще знаю, что у них проблема с грызунами и он боится, что крысы сожрут деньги. Я беру, не считая, охапку купюр и прячу за пояс, потом достаю

золотое распятие из тайника с ювелиркой. Тем же сверхъестественным образом я знаю, когда Элиза, моя двоюродная сестра, придет меня искать. Знаю, когда и куда спрятаться, чтобы она меня не нашла. Элиза озадачена, когда я возвращаюсь к застолью раньше нее. Потом она погибнет в жуткой аварии в Оре, вместе с четырьмя школьными друзьями.

Той ночью, у себя в комнате, с фонариком под одеялом, я рассматриваю свою добычу, верчу крест, чтобы он блестел на свету, и считаю деньги. Я чувствую себя могущественным, и не потому, что стал сенситивом, чего даже не осознаю, а потому, что могу покупать что-то, не спрашивая и не отчитываясь перед родителями. Хотелось бы сказать, что я использовал свою силу во благо, раздавая беднякам подарки и пищу, и прожил долго и счастливо, но это будет неправдой. Свое денежное могущество я расходую на вредную еду, дорогую порнографию, выпивку, приватные танцы, наркотики, выпивку, одежду, обувь и прочие удовольствия.

Воровство не похоже ни на какой другой опыт в моей жизни. У нашего народа есть поговорка: «Краденое мясо вдвое слаще». По-моему, что угодно краденое слаще и сытнее в сто раз.

Пока тебя не поймают.

На целый год я становлюсь Крысой, Термитом, Пожирателем Богатств, Незаметным, Неслышным. Мы живем в тихом районе, где ограбления случаются редко, а некоторые семьи знают друг друга на протяжении трех поколений. Вещи про-

падают постоянно, и никто не может это объяснить. Кое-кто говорит, что это дух, и есть исторические прецеденты, когда эмере¹² помогали одержимым находить ценности. Пятидесятники молятся и изгоняют демонов, но тщетно. Некоторые трубят во все трубы, утверждая, что Библия велит убивать воров, если верить двадцать второй главе книги Исход, и это правда, что во многих частях Нигерии мы следуем Ветхому Завету по отношению к пойманным на краже. Воров обычно избивают до полусмерти и казнят «ожерельем». Ни один вор не верит, что его ждет такая участь, пока у него на шее не окажется покрывка и бензин не намочит волосы, и, задохнувшись парами, он не утратит способность молить о пощаде. *Бабалаво*¹³ колдуют, проклиная и раскладывают фетиши. У меня ко всему этому иммунитет, но те сорок процентов моего разума, которые могут верить в сверхъестественное, испытывают страх.

Однако остановиться я не могу. Это стало моим образом жизни, и я горячо убеждаю родителей, что мои вечеринки, одежду и ночную жизнь я оплачиваю за счет подработок и подарков от благодарных людей. Отец фыркает, его доверие пошатнулось. Мать первая догадывается, как связано одно с другим, поиск с воровством. Если ты можешь найти что угодно, хватит ли тебе моральной устойчивости, чтобы

¹² Эмере – в культуре йоруба – зловредные духи, обычно женского пола, которые вселяются в детей при рождении.

¹³ *Бабалаво* – в Нигерии общее название для колдунов, целителей и жрецов.

остаться честным? Мать смотрит на меня и думает: нет.

На тот момент я не знаю ничего о ксеносфере или о том, что могу иметь отношение к сенситивам или военным. Эту способность я воспринимаю как нечто мистическое, духовное или колдовское. Хотя сам дохожу до того, что предметы и ценности, которые я отыскиваю, обязательно должны кому-то принадлежать. В поисках месторождений золота и нефти, например, от меня никакой пользы.

В день, когда меня ловят, по радио играет песня «Mr. Follow-Follow» Фелы Кути, та самая песня, которую я больше не могу слышать без тошноты. Она грохочет на весь дом из примитивного магнитофона, который так любит мой отец. У меня вроде как есть подружка по имени Фадеке, и она – воплощение Лагоса меркантильного. Она покупается и оплачивается вся, от волос до каблучков, стильная трофейная *sиси эко*¹⁴. Она из тех женщин, что требуют денег без иронии или стыда. Скоро она придет, а мне нечего ей дать, потому что я все растратил прошлой ночью. У меня легкое похмелье, но я прекрасно ощущаю деньги в соседних домах, потому что сейчас конец месяца и все получили зарплату.

Странно то, что обычно я у своих родителей не ворую. Я знаю, конечно, где в доме лежат ценности. Я собираюсь позаимствовать чуток из маминой заначки, а потом вернуть на место, когда что-нибудь добуду. Часть денег она кладет

¹⁴ «Сиси эко» – сленговое обозначение молодой симпатичной девушки из Лагоса.

в банк, часть – зашивает в вышедшие из моды шмотки, за-
прятанные в глубины шкафа. У меня теперь есть складной
нож; я ношу его именно для этой цели, потому что многие
поступают так же, как моя мать. Нигерийцы не слишком-то
доверяют всей этой болтовне – цифровым деньгам, биткои-
нам, бабкам-которые-не-увидишь. Я кромсаю ее заначку, ко-
гда слышу ее.

– Что ты делаешь? – спрашивает мама.

Разумного объяснения у меня нет, поэтому я просто стою
с ее изрезанной одеждой в одной руке и ножом в другой. Чув-
ствую вес денег, точный вес правды. В кармане вибрирует
телефон, и я знаю, что это Фадеке. Мой мозг зависает, и я не
могу не то что придумать отмазку, но *вообще* думать не могу.
Боюсь, что меня свели с ума мои действия, или проклятие,
или рука Божья. Вы наверняка слышали, такое случается с
теми, кто это заслужил.

На лице матери написано неодобрение, уголок ее рта сда-
ется на милость притяжения, глаза – на милость влаги. Она
протягивает руки, возводит глаза к небесам и говорит: «Aiye
me ge», что значит: «Это и есть моя жизнь».

– Mam... – начинаю я.

– Знаешь, почему ты мой единственный сын? – спраши-
вает она.

– Нет, мама, – говорю я, используя более уважительную
форму, чтобы попробовать ее умаслить. Кладу пиджак со
вспоротыми швами на пол.

– Когда ты появился из меня, то порвал столько сосудов, что я долго истекала кровью. Меня отвезли в Игбоби ¹⁵, сделали переливание, зашили, но ничего не помогало. В конце концов кровь перестала свертываться. Хирургам ничего не оставалось, кроме как удалить мне матку.

Ее голос спокоен, и мне это не нравится. Я хочу истерики, а этот бесчувственный тон меня тревожит. Она обычно не сдерживает злость и недовольство.

– Какие уж дети после этого. Но мы с твоим отцом отдали тебе всю нашу любовь. Он не взял другой жены, хотя мог бы. Может, вне брака у него и есть еще дети, не знаю, но он никогда не кичился этим передо мной. Ты был для меня всем.

Она садится на край постели, в полуметре от меня.

– Я люблю тебя, но ты – вор, а я не воспитывала своего ребенка вором. Ты не можешь быть моим сыном.

Это хорошо. С мелодрамой я справлюсь. Я уже готов пуститься в объяснения, как вдруг вижу, что она тянется к свистку, который есть у каждой семьи в окрестностях.

– Мам, что ты делаешь?

– Оле! Вор! – кричит она. И свистит. Я не могу поверить, мне страшно, меня выворачивает.

В Лагосе свисток – это инструмент соседского дозора. Один короткий свист ночью значит, что все спокойно. Дол-

¹⁵ Больница в Лагосе, полное название – Национальный ортопедический госпиталь Игбоби, Лагос.

гая нота в любое время дня и ночи означает, что дело неладно и свистящему нужна помощь. Люди прибегут обязательно.

Я выбегаю из комнаты, вниз по лестнице, через входную дверь, в толпу, застывшую в ожидании. Они не хватают меня, потому что думают, что я удираю от неведомой опасности. Я пробегаю уже пол-улицы, минуя ошарашенную Фадеке, к тому моменту, когда мама рассказывает все линчевателям.

Услышав, что она выкрикнула мое имя, толпа бросается на Фадеке.

Глава пятая. Роузуотер, Лагос: 2066

Сегодня суббота, так что ни мне, ни Аминат не нужно спешить. Я знаю, что меня ждет продолжение допроса, но у меня такая апатия, что мир за пределами комнаты для меня не существует. Первое, что я вижу, открыв глаза, – корешок книги на полке «Как услышать Бога». На потолке замер трехлопастной вентилятор.

Прошлой ночью мы не добрались до спальни, и в гостиной небольшой беспорядок. Я лежу на ковре, одной ногой на софе. Голова Аминат у меня на плече, руку она перекинула мне через грудь. Кое-где тело у меня затекло, но это даже приятно. Я улавливаю рассеянный психошум Аминат, и думаю, не снится ли ей сон. Только усилием воли я не пускаю себя в ксеносферу, чтобы выяснить это.

Сквозь щели в жалюзи я вижу, что солнце встало. Уже часов девять. Я слышу, как распевают торговцы завтраками. Несмотря на кондиционер, чувствуется запах сгоревшей плоти. Легкий, но улавливаемый – от костров, на которых спецподразделение сожгло ликвидированных прошлой ночью реаниматов. Некоторых они упустят, и в следующие четыре месяца реаниматы будут всплывать в самых странных местах. Подростки будут вымещать на них свою агрессию, прежде чем добить. Реаниматы убьют несколько человек, в основном стариков или детей, тех, кого застанут врасплох,

тех, кто потерял бдительность. Народ начнет возмущаться и негодовать, с неделю об этом поговорят в новостях. Потом все стихнет до Открытия в следующем году.

Я легонько толкаю Аминат. Она меняет позу и что-то лопочет.

– Туалет, – говорю я.

Она бормочет и указывает куда-то в сторону. Я встаю и осматриваюсь. Дверь выводит меня из гостиной в коридорчик, выкрашенный бежевым и увешанный акварельными пейзажами. В конце его – кухня, лестница наверх, а слева от нее – дверь. В таком большом доме есть как минимум два туалета, но мне незачем вынюхивать. Я делаю свои дела в маленьком, разглядывая рисунок с мальчиком, писающим в ручей. На этажерке рядом с унитазом – местные и иностранные журналы. Иностранные – британские и англоязычные китайские. Еще есть старый американский журнал 2014 года, который даже не пожелтел. Его бы в музей или хоть куда-нибудь на хранение.

Я завариваю на кухне чай и возвращаюсь в гостиную. Аминат до сих пор спит, свернувшись калачиком, на левом боку. У нее небольшие растяжки на бедрах, но в целом тело гладкое, загорелое, с грушевидными грудями. С правой стороны грудной клетки проходит десятисантиметровый шрам. Он хирургический, и я вспоминаю ее радость в ночь Открытия. Она сильная, как спортсменка, я помню, как ощутил это ночью. Я сажусь напротив Аминат и, попивая чай, наблюдаю,

как она спит. Ушибы ноют, и еще реанимат явно задел рот, потому что мне больно пить. Мелькает мысль, не включить ли телевизор.

Я читаю «Как услышать Бога», пока она не зевает, потягивается и садится.

– Привет, – говорит она.

– Привет, – отвечаю я.

– Я думала, что ты уйдешь.

– Почему?

Она пожимает плечами.

– Бывали у меня мужчины, которым я переставала нравиться ближе к рассвету.

– Ну и дураки.

Аминат улыбается.

– Ты милый.

Она вскакивает на ноги, надевает трусики и выходит из комнаты, увернувшись, когда я пытаюсь сцапать ее. Я слышу, как хлопает дверь и как она облеγχается. Слышу, как она полощет рот, прежде чем вернуться.

Аминат проводит меня за руку на кухню и толкает на стул рядом с маленьким квадратным столиком. На ней теперь длинная белая футболка. Опустошает кофеварку – на вид она стóбит, как вся Земля. Спитой кофе отправляется в пакет, потом в корзину.

– Я сначала пью кофе, потом завтракаю. А ты? – спрашивает она.

– Сделай то же, что и себе, – отвечаю я.

– Отлично, потому что у меня идеальный вкус. Я сделаю яичницу с ямсом.

Мне кажется, я не голоден, но уверен, что все съем. Я хочу есть ради нее.

– Что ты обычно делаешь по субботам? – спрашивает она. Засыпает зерна в кофеварку. Одно падает на столик, и она отдает его мне. Я обнюхиваю его и отправляю в рот. На вкус и запах оно отдает табаком с древесиной.

– Как пойдет. Работаю, если есть подработка. Если нет, захожу в больницу.

– Зачем? Кто-то из родных болеет?

– Нет. Просто хожу... помогать. – Это лишь наполовину правда. Я хожу в больницу ради перспективы. – А ты?

– Обычно езжу в Лагос навестить семью. – Она заливает воду и нажимает кнопку. – Маму, папу, младшего брата.

– Каждую неделю?

– Почти. Я помогаю присматривать за служанкой, заплетая маме косы. Мама думает, что служанка – ведьма. Ну, кто знает? Она довольно ленивая.

– Как давно ты в Роузуотере?

Она наклоняет голову влево:

– Почему ты думаешь, что я тут не с самого начала? Город не такой старый.

– Потому что я тут с самого начала, и заметил бы такую яркую женщину раньше.

Она смеется, достает корзину и выбрасывает в нее кофейную гущу.

– Подлиза. Я тут три года.

– А почему из Лагоса уехала? Больше денег, больше работы... Мужчины получше. Или женщины.

– Пффф. – Она наливает черный кофе в две одинаковые чашки, на которых изображены желтые смайлики с красными пятнами в районе одиннадцати часов. Открывает ящик под раковиной и достает большой клубень ямса, в волосатых корешках и шишковатых комьях земли. Кладет его на кухонную стойку и начинает резать на ломтики.

– Я болела.

– Я понял. Видел, как ты реагировала на Открытие.

– Ага. Я благодарна. Я люблю Утопия-сити за то, что он для нас делает. За то, что он сделал для меня.

– Что с тобой было, если ты не против ответить?

– Я не против. Я даже люблю рассказывать эту историю. Примерно через год после того, как ушел мой муж, я подхватила навязчивый кашель, легкий, но очень раздражающий. Два месяца подряд я принимала все таблетки и сиропы от кашля, какие только есть. Без толку. Когда я начала терять вес, доктор сделал анализ мокроты. У меня был туберкулез. ТБ. Чахотка.

– Сочувствую. Тяжело, наверное, было.

– Очень. У меня отказало одно легкое, и мне сделали торапотомию. – Она задирает футболку, открывая изгиб яго-

диц, растяжки на бедрах и безжалостный криволинейный шрам, который я заметил раньше. – Для меня это была большая проблема. В школе я занималась прыжками в длину и тройными прыжками. Я ненавидела свою слабость, неспособность действовать. Вдобавок я узнала, что заразилась туберкулезом из-за слабого иммунитета. А иммунитет у меня упал, потому что этот ублюдок заразил меня ВИЧ.

– Охренеть.

– Не бойся: я сдавала анализы после выздоровления и сдаю каждые три месяца. Все чисто. Ни ТБ, ни ВИЧ, ничего. – Ножом для чистки овощей она срезает кожуру с каждого куска ямса одной длинной лентой, потом бросает их в раковину и включает воду. – Кааро, ты боишься?

– Чего?

– Заразиться. – Она полностью погружена в процесс, обмывает каждый кусочек, а потом кладет их на сковородку. В воздухе висит напряжение.

Я отодвигаю стул, встаю и подхожу к Аминат. Разворачиваю ее и целую в губы, бесконечно долгим, влажным поцелуем.

– Я из Роузуотера. В этих краях мы заразы не боимся.

Я снова целую ее и пробираюсь под футболку.

Нож с лязгом падает в раковину.

Мы решаем провести день вместе. Я готов съездить в Лагос – что угодно, лишь бы сбежать от запаха жареной пло-

ти, от которого Роузуотеру не избавиться еще неделю. Она предлагает взять машину, я не возражаю. Дорога занимает два с половиной часа, и вся она – отупляющее однообразие вперемежку с полицейскими блокпостами. Нас останавливают семнадцать раз, и каждый раз мы платим деньги, прежде чем нас пропускают. Кое-где за спинами полицейских видны автоматы. Это приземистые, похожие на танки передвижные бронебашни больше двух метров в высоту. Это старая, десяти-, может, двадцатилетнего возраста, неухоженная американская техника, которую бросили в зонах конфликтов. Если приглядеться поближе, даже под зеленью и белизной нигерийского флага все еще видны рельефные звезды и полосы. Я никогда не видел их в действии, и иногда задаюсь вопросом, не подвижные ли это пустышки с мигающими индикаторами, без действующих боеприпасов.

Поездки на юг всегда вызывают у меня отвращение. Такое ощущение, что меня должна искать полиция, потому что в юности я воровал. Я знаю, что никто меня не ищет, но где-то в душе уверен, что свободу не заслужил.

Каждый раз, когда движение замедляется, нас осаждают мальчишки и девчонки, пытающиеся что-нибудь нам продать, в основном еду, газировку, «чистую» воду, журналы, благовония, календари и религиозные наклейки. В Роузуотере такое тоже бывает, но не в таких количествах. Аминат получает от этого удовольствие – для нее это повод пообщаться. На ней темные очки, черная блуза без рукавов и серьги

с огромными серебряными кольцами, она, наверное, кажется им кинозвездой. Она покупает все и при любой возможности общается с детьми, заигрывая и поддразнивая. Они, в свою очередь, обожают ее и оставляют на машине размазанные отпечатки пальцев, на что она, кажется, не обращает внимания.

Мне нравятся машины. Когда окна закрыты, а кондиционер включен, я отрезан от общей ксеносферы и наслаждаюсь относительным покоем без помощи противогрибковой мази. Аминат не знает, но я воспользовался ее клотримазолом, перед тем как мы вышли из дома.

Снаружи ссора – одна машина поцарапала другую. Мы отрезаны от мира, но я вижу напряженные мышцы шей, раскрытые рты и неслышные вопли. Собирается небольшая толпа, кому-то не терпится разжечь насилие, другие успокаивают. Должны тут быть и карманники, но я их не замечаю. Проезжающие машины сигналият. Лагосцы любят добрую драку.

Движение снова ускоряется, и мы едем дальше. Вырываемся из Оджоты, несемся по Икороду-роуд и оставляем ее позади, направляясь к Оворонсоки, ближе к лагуне. Это место мне незнакомо, но Аминат уверенно проезжает его. Хороший шанс изучить ее профиль. У нее высокие скулы и чуть неправильный прикус. Ее шея... я кусал эту шею. Когда мы подъезжаем к петляющей объездной дороге, нас подрезает зеленый армейский джип и резко останавливается, вынуждая Аминат затормозить.

– Екре n’ja e! – кричит она в сторону джипа.

Из него вылезают двое парней и подходят к обоим нашим окнам. Они двигаются синхронно, одеты в костюмы и темные очки. Я замечаю, как оттопыриваются их пиджаки над спрятанным оружием.

– Сиди спокойно и молчи, – говорю я. – Можешь это сделать? Пожалуйста.

– Ты их знаешь?

– Можно и так сказать, – отвечаю я.

Парень с моей стороны стучится в стекло. Я опускаю его.

– Кааро, – говорит он. – У меня для вас сообщение. Выйдите наружу, пожалуйста.

– Нет, – говорит Аминат. Ее зрачки расширяются, дыхание учащается.

– Все в порядке, – говорю я. – Просто сделай, как я сказал. Тебя не тронут.

Я считаю парня – ни угрозы, ни напряжения. Он не опасен для меня, поэтому я открываю дверь. Он снимает очки и отдает их мне. Мы мешаем движению и создаем пробку, но обычно агрессивные лагосцы сейчас даже не кричат. Я надеваю очки и вижу на экране Феми.

– Что ты делаешь в Лагосе, Кааро?

Подготовка включается автоматически, и я прикрываю рот, чтобы никто не мог считать по губам.

– Привет, Феми.

– Отвечай на вопрос, голова ямсовая. Почему ты покинул

Роузуотер?

– По личному делу.

– Только я выбираю твои личные дела, Кааро.

– Я не знал, что нахожусь под домашним арестом или в ссылке. Мне нельзя перемещаться?

– Ты полевой агент. Всегда им был. У нас допрос, ты помнишь? Ты не можешь его бросить на полпути. И что ты делаешь с этой Аригбеде?

– Прости, что?

– Она девочка с прошлым. Ее семья...

– Стоп. Мне плевать. И еще, я беру отгул. У меня ни разу не было отпуска. Мне нужен перерыв.

– Я не разрешала...

– Я не спрашивал твоего позволения, Феми.

Я снимаю очки и осторожно складываю дужки. Делаю вид, что собираюсь отдать их парню, который протягивает руку. Тогда я роняю их и наступаю.

– Упс.

Он в ярости, но мне насрать.

– Убери свой джип, пока я не заставил тебя проглотить язык и выцарапать себе глаза, – говорю я. Я понятия не имею, смогу ли это сделать, но буду стараться, пока не получится или пока меня не хватит удар. Второй парень стоит со стороны водителя. Я открываю пассажирскую дверь и говорю:

– Убирайся нахер от моей девушки.

Сажусь на место, понимая, что Аминат смотрит на меня.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает она. – Так я твоя девушка?

Я пожимаю плечами:

– Мне хочется тебя защищать.

– Ты военный? Из Национальной безопасности?

– Не совсем. Но иногда я работаю на правительство.

У меня никогда не было девушки. Настоящей, по крайней мере. Даже не знаю, почему я так назвал Аминат. На самом деле мне неоткуда знать, что это значит. В юности секс по большей части ничего для меня не значил, а мой преступный образ жизни исключал близость. Однако эта связь с Аминат вскрыла некий источник собственничества и агрессии, которых я за собой не замечал.

Джип слишком громко ревет и прокручивает шины, а потом уносится прочь. Из окна высовывается рука с поднятым средним пальцем.

Детишки.

Семья Аминат живет в одном из тех трехэтажных зданий, построенных в относительно небогатом районе, которые частично облагородили в 1980-х. Тогдашнее правительство давало ему разные названия: «Гбадала» и «Вторая Фаза», но он остался жилым районом для рабочего класса и бедных лагосцев с нелепыми вкраплениями громоздких, архитектурно подозрительных особняков Кокаиновых Миллионеров.

Западные социологи и криминологи скажут вам, что преступность, в частности сопровождаемая насилием, сконцентрирована на этой границе между бедными и богатыми. Нигерийцы в этом плане отличаются. Мы прославляем и чтим богачей, особенно из криминальных кругов. Криминальные авторитеты, грабители и воришки (кхе) живут за счет незащитных. У богачей есть колючая проволока, нелегальные чужие и контрабандные боты-бронешашки, которые разотрут в пыль любого обычного бандита с АК-47 наперевес.

Не знаю, чем раньше занимались родители Аминат, но от дома веет профуканными деньгами. Он окружен огромным двором с декоративными пальмами попеременно с миндальными деревьями, с ними возится садовник. Два крыла дома расположены под прямым углом друг к другу, а вход обозначен портиком. Колонны венчают мудреные капители с завитками и ангельскими головами.

Присматриваюсь: садовник старый, тощий, одет не в форму. Краска на доме выцвела и облезает. Стена на стыке с землей покрыта пятнами зеленого лишайника, и повсюду, точно лобковые волосы, курчавятся сорняки.

– Это папин «белый слон»¹⁶, – говорит Аминат. – На этом месте стоял дом, в котором я выросла. Он сгорел, когда я была подростком. Папа расчистил землю и построил этот.

– У вас большая семья?

¹⁶ «Белый слон» – сделка или проект, при котором расходы превышают прибыль.

– Нет. Это был кризис среднего возраста. Некоторые мужчины покупают большие машины, а мой папа построил большой дом. – Она машет садовнику, тот не отвечает. Я думаю со злорадством, что только через неделю он поймет, что нужно помахать в ответ.

У Аминат есть ключ, в доме тихо. Воздух не кондиционированный, но и не свежий. Интерьер вычурный, золотая филигрань на лопастях потолочного вентилятора. Он лениво вращается, не создавая никакого движения воздуха.

– Эй! Я дома, – кричит Аминат. – Посиди здесь. Я тебе что-нибудь принесу. Хочешь чего-нибудь?

– Эм... воды, – говорю я.

Она выходит из комнаты, а я сажусь, проваливаясь в туго набитое кресло. Выдавливаю из него пыльный воздух. Нащупываю ксеносферу. Весь дом словно черная дыра. Я не чувствую даже Аминат. Интересно, как такое может быть. Проводники ксеносферы есть везде, хотя можно создать и стерильные помещения, если они воздухонепроницаемы.

Я слышу, как что-то волочитя. Что-то тяжелое тащится и гремит по полу. Без доступа в ксеносферу я чувствую себя голым и беззащитным. Надо было взять с собой пушку. Проверяю телефон. Зарядка и сигнал есть, и я набираю Аминат. Кучу сообщений, явно пришедших от начальницы, я игнорирую.

– Привет, – говорит кто-то.

Я поднимаю взгляд. Передо мной стоит высокий, муску-

листый, светлокожий юноша. Он красив настолько, что у меня сердце разрывается: идеально симметричное, с правильными чертами создание. Мускулатура его – прямиком из учебника анатомии. У него маленькие черные глаза, которые смотрят прямо на меня, не мигая, излучая благожелательность. Рубашки на нем нет, только трусы цвета хаки. Ни шрамов, ни единой отметины. Ни единого волоска на теле. Мне хочется коснуться его, убедиться, что это не голограмма. На его левой щиколотке – металлический браслет, к которому приделана толстая серебряная цепь, уходящая из комнаты в коридор, а оттуда – неизвестно куда.

– Привет, – говорю я. А потом: – Я гость.

Он улыбается.

– Естественно.

Я прерываю звонок. Трудно сосредоточиться, когда это блаженное лицо сияет надо мной, а ксеносфера молчит. Голос у него звучный, тон вежливый и приветливый. Мой голос по сравнению с его звучит как ослиный рев. Я гадаю, что бы такое сказать, когда возвращается Аминат, неся поднос с запотевшим стаканом воды и долькой лимона.

– Я вижу, вы познакомились, – говорит она.

– Сестренка! – говорит юноша.

Она ставит поднос на столик рядом со мной и обнимает брата.

– Кааро, это мой брат, Лайи. Лайи, Кааро – мой друг из Роузуотера.

Я поднимаюсь и протягиваю ему руку, но он тепло обнимает меня, и я отвечаю тем же. Он тверд, точно машина, мышцы его словно натянутые канаты – они не просто для показухи.

Аминат опускается на колени и осматривает лодыжку Лайи – на ней мозоль и ссадины от браслета. Все-таки шрамы у него есть, я ошибся. Она недовольна.

– Ты ее не обрабатывал, – говорит она. И уходит, прежде чем я успеваю сказать хоть слово.

– Ты из Роузуотера? – спрашивает Лайи.

– Да.

– Пойдем со мной. Я тебе кое-что покажу, Кааро. Кааро. Хмм. – Он поднимает взгляд и, кажется, пробует слово на вкус, повертев его у себя в голове. – Твое имя значит «Доброе утро».

– А твое значит «Богатство мимолетно». И что из этого?

– Необычное имя, вот и все.

– Все имена когда-то были необычными.

– И то правда, – он, кажется, удовлетворяется этим и ведет меня в свою комнату, таща за собой цепь. С обеих сторон от двери – по два огнетушителя и по ведерку с песком. Живущие здесь, должно быть, привыкли к звуку. Я замечаю, что цепь прикована к железному кольцу, приделанному к полу сбоку от двери в его комнату. Обиталище Лайи выглядит огромным и явно состоит из нескольких комнат, между которыми сломали стены. Западную стену из конца в ко-

нец занимают книжные полки метров двадцать в длину. Окна забраны решетками. Есть световой люк, на нем тоже решетка. В дальнем конце прямоугольного помещения – гири, боксерская груша и беговая дорожка. А еще – рабочее место с дисплеем-сферой. Я такие только в журналах видел. Это прозрачный пластиковый шар с проходом для пользователя компьютера. Вся внутренняя поверхность – это дисплей. Говорят, это лучше, чем голополе. В разных местах комнаты в полу утоплены еще несколько железных колец.

В жилище Лайи царит чистота на грани невроза. Нигде ни пылинки. Все на своем месте, и единственный источник беспорядка – мы, потому что мы движемся. Он открывает шкафчик и роется в нем, пока не находит старый, поломанный розовый мобильник. Экран разбит, но все кусочки на месте, словно фрагменты пазла.

Он передает телефон мне.

– Я купил его в Нимбусе.

– Тебя обманули. Он не заработает. Это машинка 2040, что ли, года.

– Я его купил не для того, чтобы звонить. Просто хотел показать тебе, откуда взялось видео.

– Какое видео?

Он щелкает пультом, и в воздухе перед нами формируется черное плазменное поле, и на нем проступает изображение. Изображение движется, и место, где его сняли, мне знакомо.

– Временных меток нет, но я уверен, что ты это уже ви-

дел, – говорит он.

Изображение с камеры наружного наблюдения, день клонится к вечеру. В кадре незастроенная территория, за исключением единственной залитой гудроном дороги да одинокой цепочки столбов с проводами. На земле дымится рухнувший черный армейский вертолет, но толпу, что удивительно, он не интересуется. Толпа вообще странная, потому что люди в ней неподвижны. Они смотрят на что-то за пределами кадра. Съемка дерганая, любительская, но я знаю, чего не хватает. Биение сердца подсказывает мне, что я нервничаю.

Камера дергается и резко перемещается на объект, к которому приковано внимание толпы.

Купол того, что будет названо Утопия-сити, растет, поднимается к небесам, точно одеяло из плоти. В полотне есть прорехи, но они закрываются с той же скоростью, с какой увеличивается купол, стремительно, точно раны, заживающие на ускоренной съемке. В прорехах можно заметить мимолетное, нечеткое движение силуэтов, напоминающих людей.

Купол становится непроницаем, и жидкость в мембране вихрится, преломляя свет. С угрожающим электрическим потрескиванием в небо устремляется ганглий. Погибнут девяносто два человека, прежде чем мы поймем, что это: источник энергии от щедрого божества.

Кадр застывает.

– Это ведь тот день, правда? Первый день Роузуотера. Ис-

торическое событие.

– Он получил статус города спустя...

– И я знаю, почему ты показался мне знакомым.

– Я не знал, что показался тебе знакомым.

Он указывает на молодого человека в толпе. Человек не смотрит ни на купол, ни на вертолет. Он глядит в другом направлении, и на лице его написано совсем не восхищение.

Я это знаю точно.

– Это ты, Кааро.

Глава шестая. Роузуотер, Майдугури: 2055

– Я могу все объяснить, – говорю я Феми. – Я требую, чтобы меня сначала выслушали.

– Какое объяснение, чайник ты безмозглый, – говорит Феми. – У тебя было одно задание. Оно не требовало ни насилия, ни вообще применения силы, потому что мы все знаем, какой ты трус.

Мы в полевом штабе. Буквально. Это палатка в поле, хаотично усеянном лошадиным и коровьим навозом. Солдаты и агенты О45, наставившие на меня оружие, покрыты пылью. Большинство остальных людей в лагере – легкораненые. Воздух наполнен низким электрическим гулом, исходящим от купола и ганглия. Феми ухитряется быть безукоризненно чистой, будто пыль и грязь отказываются к ней липнуть. Она выглядит и пахнет потрясающе.

– Меня не учили говорить или торговаться с инопланетянами, Феми.

– Для тебя я миссис Алаагомеджи. И ты сказал, что можешь это сделать.

– Я сказал, что постараюсь. Это не одно и то же. Ты же меня не с отрядом солдат послала, хотя разницы бы никакой не было.

– Исполнительный орган О45 – все мертвы или в коме.

– А я тут при чем? Они проявили агрессию, и чужой среагировал соответственно. Я зашел внутрь после этого, помнишь? – Я сопротивляюсь искушению намекнуть Феми, что теперь командует она, а она этого хотела уже давно. На ней облегающий красный костюм и туфли на высоком каблуке. Кто прибывает в лагерь беженцев в такой одежке? Или источая запах... чем бы ни был этот божественный аромат. – Ладно, о'кей, я обосрался. Я не такой уж гордый, чтобы не признавать своих ошибок, но я не твой агент. Я этому не учился. Ты подставила меня, чтобы заманить сюда.

– Нельзя подставить того, кто на самом деле совершил преступление, голова ты ямсовая.

– Да плевать. Значит, спровоцировала. Просто заплати мне, и я уйду.

Тут Феми вообще начинает смеяться. Ей весело.

– У тебя в черепе термит, и он жрет твой мозг, Кааро. Позвонил бы ты доктору, или экстерминатору, или еще кому.

– Ладно. Не плати. Сходите, пожалуйста, нахуй, миссис Алаагомеджи. – Я пытаюсь уйти, но солдаты не позволяют мне. Я заглядываю одному из них в глаза, а там ничего нет. Ни любви, ни злобы, только пустое, бесчувственное подчинение. Он мясной робот, а вовсе не человек. Это меня пугает, и мой взгляд соскальзывает с его лица. Я сосредотачиваюсь на вене, что пульсирует у него на шее.

– Твои вольнонаемные дни кончились, Кааро, – говорит

Феми.

Я поворачиваюсь к ней:

– Что тебе от меня надо?

– Ты становишься сотрудником сорок пятого отдела Министерства сельского хозяйства и работаешь с нами, чтобы разгрести это говнище, насколько возможно.

– Спасибо, нет. Хватит с меня этого цирка.

– Ты работаешь с нами или подыхаешь в тюрьме. Я отправлю тебя в Кирикири прямо сейчас. Сегодня. Без суда, без прощания с родителями.

В этот момент ее плеча касается помощник:

– Президент.

Она берет трубку, прикрывает микрофон.

– Так что? Не беспокойся, мы тебя обучим. Выплатим все, что мы тебе на сегодня задолжали, потом будешь получать зарплату. Очень хорошую зарплату. Я тебе услугу оказываю, Кааро.

В эту секунду я испытываю абсолютную ненависть к этой красивейшей из женщин. Мне хочется ее прикончить, хоть я и не склонен к насилию. Мое молчание – знак согласия. Феми кивает, и агент хватается за руку, когда она начинает говорить с президентом. Она не сводит с меня глаз, пока я не покидаю палатку.

– Да. Мы скажем, что это эксперимент с возобновляемыми источниками энергии и экологически чистой жизнью в биокуполе. Мы все в восторге от того, что Нигерия опережа-

ет весь мир...

Я звоню Клаусу с армейской базы, где прохожу начальную подготовку. Тело у меня ноет, челюсть болит. Несмотря на это, таким здоровым я еще никогда не был, потому что занимаюсь бегом. У меня плоский живот, загорелые руки и костяшки, сбитые от ударов по му рен джан ¹⁷.

– Ненавижу это рукопашное дерьмо, – говорю я.

– Ты никогда не любил драться. Помнишь, как однажды в Иди-Оро мы ввязались в потасовку из-за шлюхи?

– Она не была шлюхой, Клаус.

– Я ей платил.

– Сколько раз тебе повторить, что местные женщины порой просят денег у своих мужчин?

– Но почему? Ты платишь им за любовь, или что? Они контрактницы?

– Клаус...

– Ладно. В общем, драться пришлось мне. Старичку.

– Ты не старый, Клаус, – я замолкаю. – Ты понимаешь, о чем я говорю, да?

– Ты говоришь, что нашему сотрудничеству конец из-за этих ублюдков.

– И сук. Не забывай про сук. Точнее, *одну* суку.

Клаус – что-то вроде моего агента. Он находит для меня

¹⁷ *Му рен джан* – деревянный манекен для отработки ударов в китайских боевых искусствах.

задания, а я их выполняю. Комиссия – пятнадцать процентов. Он, однако, далеко не только агент. Он был мне отцом, с тех пор как мои родители меня вышвырнули. Он многому меня научил и сделал из бестолкового подростка-телепата чуть более толкового нелегального взрослого телепата с деньгами. Мы оба, он и я, лиминальны, всегда на окраине цивилизации.

– Все в порядке. Я много заработал на этой последней сделке. Ты ее заключил, можешь забрать деньги себе, – говорю я.

– Нет. Ты их заработал. Я положу их в банк на срочный депозит. Вот переживешь подготовку, вернешься в общество, тогда сможешь их забрать.

– Они мне не нужны, Клаус. Я... какой смысл?

Мне на самом деле не нужны деньги. Я на автопилоте, я автомат. Жизненно важная часть меня, *élan vitae*, умерла, когда поднялся купол. Я скучаю по Ойин Да, а она там, навеки недостижимая.

Звонит колокол.

– Мне надо идти, Клаус, – говорю я.

– Собачка Павлова, – отвечает Клаус. – Не высовывайся.

– Не буду.

Вешаю трубку и пускаюсь трусцой в спортзал вместе с такими же, как я.

Я в классной комнате. Сто лет в такой не был.

Учеников всего десять, включая меня, и я – самый старший. Они – хамоватые детишки, мальчики и девочки. Я знаю, что мы с ними родственные души, и они это тоже знают, но это совсем не то же, что было со мной в юности, когда я обнаружил свой дар, а Селина и Кореде приняли меня, дав мне некое подобие семьи. Здесь же – *tabula rasa* безразличия. Это как прийти на семейную встречу и обнаружить, что ты – старик, а новое поколение срать хотело на тебя и твой опыт. Я знаю, где они прячут деньги, музыку и любовную переписку в своих телефонах. Я знаю, что они ценят и как до этого добраться, а они знают, что я знаю. Я среди них единственный искатель. Как и раньше, рядом с ними мои способности усиливаются.

В классе висит белая доска, на ней большими буквами написано и подчеркнуто слово «микология». Перед словом стоит щуплый мужчина в очках и свысока взирает на нас, точно Господь, излучающий благодать и судящий нас.

– Меня зовут профессор Илери. Я миколог. Я разбираюсь в грибах, и моя работа – сделать так, чтобы вы разбирались в грибах, – говорит он.

– Зачем нам разбираться в грибах? – спрашивает девочка.

– Вы провалили тесты по биологии для поступления в университет, – говорит сидящий за мной мальчик. Я узнаю об этом одновременно с ним. Илери, впрочем, это разоблачение не сбивает. Ни тени смущения или злости.

– Думаете, вы у меня первая группа сенситивов? Вот пер-

вый урок, дитя: не важно, чего ты не знал в прошлом. Важно, что ты знаешь сейчас. Так что вы можете тратить свое время на считывание случайных фактов из моего разума, пытаюсь меня смутить, а можете позволить мне научить вас делать свое дело как можно лучше.

– Но почему грибы? – спрашиваю я без всякой иронии. – Серьезно, я ненавижу в школе это дерьмо.

Илери бросает взгляд на мою ИД и улыбается:

– Вы слышали о Токунбо Деинде?

Никто из нас не слышал.

– А про эктоплазму?

Никакой реакции.

Илери вздыхает:

– Люди больше не читают.

Он щелкает пультом, и вспыхивает плазменное поле. На него проецируется черно-белая фотография с какими-то белыми людьми вокруг стола. Они все смотрят на женщину в черном, которая изрыгает что-то вроде белого облака. В облаке видны лица. Волосы женщины собраны в пучок. Ей, кажется, не по себе. Экспозиция не слишком удачная, но люди за столом, похоже, под впечатлением.

– Спиритуалисты, ясновидцы, медиумы, сенситивы, пророки, парапсихологи, мистики, ведьмы, некроманты, телепаты, эмпаты, шаманы, адже, эмере, ивин, оккультисты, прорицатели, психоманты, мистики. Вот некоторые термины, которыми вас могли бы называть в прошлом и могут назвать

в будущем. Эта фотография сделана в Англии в девятнадцатом веке. На ней запечатлен медиум, который извергает эктоплазму. Обычная практика в то время, очень впечатляла клиентов. Считалось, что это духовная материя, проявляющаяся как физическая субстанция, с помощью которой некоторые духи могут воплощаться в реальном мире.

Он показывает еще несколько слайдов, на которых эктоплазма выходит из ноздрей, ушей, рта и, в одном случае, между ног у женщины.

– Все они были мошенниками. Общество психических исследований изучило этот вопрос и обнаружило, что они делали это с помощью заглоченной ткани, хитрого освещения и самых лучших призраков-аферистов.

Класс хихикает, но остается внимательным. Я слышу, как тихо у них в головах. Мы стали ульем, который поглощает и обменивается всем как одно целое.

– И вот, бабалаво, ведьмы, сенситивы, викторианские медиумы – все считались в той или иной мере мошенниками. Ни один приличный ученый не верил в психические способности до 2012 года.

Упоминание 2012 года вызывает поток воспоминаний в нашем коллективном сознании. Вы – не сенситивы, и никогда этого не испытаете, но поток необработанной информации, грубой информации с ошибками, которые медленно отфильтровываются, похож на высекание скульптуры из куска мрамора. Корректируя информацию, мы приближаем ее

к правде, по крайней мере к той правде, которую знаем мы вдесятером.

В 2012 году в Лондоне приземляется чужой. Размером с Гайд-парк, он мгновенно прорастает под землю, как аморфная клякса. В то время это считают первым контактом, но американцы зафиксировали три более ранних приземления. Это еще до того, как Америка скрылась во тьме. Два. Три приземления. Никаких звездолетов, только камень с большим разумным существом внутри. Оказывается, это существо, прозванное некоторыми Полюнью, в итоге засеивает всю биосферу новыми макро- и микроорганизмами, хотя нам, людям, потребуются десятилетия, чтобы это обнаружить.

– Токунбо Деинде был микробиологом, только что закончившим Унилаг¹⁸, служил в Юношеском корпусе¹⁹ в Нсуке. Как многие в Корпусе, он хотел тихо прослужить этот год в сонном городишке. До него дошли слухи о могущественной пророчице в одной из деревень. Стопроцентная точность, сказали ему. Заинтересовавшись, он пришел к ней, заплатил и стал ждать. Во время визита предсказательницу стошнило, но это была странная жидкость, превратившаяся в пар, который не сразу рассеялся. Потом пророчица пересказала все, о чем он думал, и большую часть его детства.

¹⁸ *Унилаг* – сокращение от Университет Лагоса.

¹⁹ *Национальный юношеский корпус* – проект нигерийского правительства, согласно которому получившие высшее образование молодые нигерийцы проходят обязательную государственную службу сроком один год (месяц военной подготовки и одиннадцать месяцев работы в государственных учреждениях).

Он был поражен.

Токунбо остается с пророчицей, и в конце концов берет образцы эктоплазмы и анализирует их. Она состоит из нейромедиаторов – дофамина, серотонина, норадреналина – и того, что изначально он принимает за гриб.

– То, что мы зовем ксеносферой, психическая связь, которую все вы способны использовать, состоит из инопланетных волокон, похожих на грибные, и нейромедиаторов. Мы называем ксеноформу *ascomyces xenosphericus*. Она есть везде, в любом месте Земли. Эти тончайшие гифы слишком малы, чтобы увидеть их невооруженным глазом, и хрупки, но они образуют множество связей с естественными грибами на коже человека. Их привлекают нервные окончания, и они быстро получают доступ к центральной нервной системе. Все, кто связан с этой сетью ксеноформ, этой ксеносферой, подгружают информацию непрерывно, пассивно, неосознанно. В самой атмосфере существует глобальное хранилище информации, мировой разум, доступ к которому есть лишь у таких, как вы.

Кто-то думает – *фигня*.

– Фигня, – говорит кто-то другой, но мы все так думаем.

Илери смеется:

– Чем ограничены ваши способности? Вы замечали, что вам удастся полнее использовать ваши силы на улице, а не в закрытом помещении? Замечали, что во время дождя они могут подвести или вообще отрубиться? Вы не задумывае-

тесь почему, или просто считаете, что это Боженька с вами шутики шутит?

Илери говорит нам, что никто не знает точно, почему люди, вроде меня, могут манипулировать ксеносферой. Мы работаем с информацией в обоих направлениях, для нас одна не односторонняя. Существует теория, что у нас, сенситивов, есть некая особая, невыявленная кожная инфекция, которая позволяет нам отчасти контролировать темпы роста *ascomycetes xenosphericus*.

Под его руководством мы экспериментируем. Намазав все тело противогрибковой мазью, мы подавляем ксеноформы и блокируем свои способности, но лишь временно. Они отвечают бурным усилением роста. В продезинфицированной комнате без окон ксеноформ нет, и наши способности отключаются. Мы можем блокировать других сенситивов, если заполним ксеносферу данными, например, читая книгу.

– Хорошо, – говорит Илери, убедившись, что мы поняли природу ксеносферы. – Теперь поговорим о грибах. Латинское название грибов – *fungus*. Слово «микология» происходит от греческого *mikes*, что значит «гриб» и *logos* – «знание»...

Это ад.

Вот мы и в Йерве ²⁰, на дворе чертов май, самый теплый месяц года, мы в полной военной экипировке тащимся через

²⁰ *Йерва* – местное название города Майдугури, столицы штата Борно.

болото. Это во многих смыслах идеальный тренировочный полигон.

Майдугури был военным аванпостом еще с британских времен, с 1907 года. Через него течет река Нгадда, которая приводит нас напрямиком в болото Фирки. Один долгий переход, если мы его осилим, приведет нас к озеру Чад.

Москитов – море. Малярия нам не грозит, спасибо подкожным имплантатам, но ничто не мешает этим говнюкам кусаться.

Наш инструктор, Хренов Данлади, предлагает нам представить, что мы – британские разведчики-варвары из далекого прошлого. «Вы не можете вернуться, потому что сдать – значит разочаровать вашу королеву. *Rax imperia regina*, ублюдки ленивые. Сдаться – значит насрать на память Линвингстона. Нет, нет, мы будем ползти вперед, ублюдки ленивые, ползти вперед, прямо в жопу истории!

Господи Иисусе. Хренов Данлади свихнулся. Мне бы осколочную гранату – я испек бы ему пирожок со шрапнелью.

Как обычно, часть моего мозга интересуется, что я здесь делаю, а я не могу ответить.

Любимое словечко Хренова Данлади – «спецподразделение». Все его боевые истории – о том, как он боролся с тем или иным спецподразделением. Наш класс придумал ему прозвище после того, как он заставил нас попробовать на вкус пыль с учебного плаца. Теперь нам надо быть осторож-

нее и не ляпнуть это слово в его присутствии.

Солнце прямо над нами, припекает. Хренов Данлади заставляя нас петь «Идите через воду». Мы идем. К москитам присоединяются мошки. Мои голые руки все в укусах и волдырях, но еще они бугрятся мышцами. Честный обмен. Мы растворяемся в ксеносфере, оставляя тела на своеобразном автопилоте распевать негритянские спиричуэлс, которые Хренов Данлади, похоже, обожает.

Общее пространство наших разумов, что неудивительно, полно болотной растительности, словно воображение не способно оторваться от адской реальности, где остались наши тела. Я расправляю крылья, вытягиваю передние лапы, выпускаю когти и с наслаждением по-кошачьи зеваю. Порой львиная часть грифона берет верх. Без руководства Илери мы делаем, что хотим. Растения вокруг пятнистые, сине-желтые, с черными цветами и пылью, которая поднимается в воздух, точно дым из горячей нефтяной скважины.

Аватар Теми – змея, хотя она больше похожа на плывущего по воздуху угря, с боковыми плавниками, которые идут волнами, когда она взлетает. Она примерно двенадцать футов в длину, хотя в ксеносфере прикидывать размеры сложно.

Джон Боско представляется человеком, монахом в низко надвинутом капюшоне, с темнотой вместо лица. За аватаром тащится призрачный образ его реальной внешности, ошибка новичка или признак его скромного дарования. В крав-мага,

однако, он бог.

Видите этого человека в белом.

По-моему, нам нужна другая музыка. Организую утечку этой мысли и чувствую согласие своих товарищей.

Олоджа – лужа персиковой жидкости, что течет ручейками вокруг нас. Она улетучивается, обращаясь в пар, с головокругообъемлющей скоростью.

Господь потревожит воду.

Теми подплывает ближе ко мне, обвивается вокруг грифона. Если я взмахну крыльями, то сделаю ей больно, поэтому я не двигаюсь, чищу себя клювом, пока она резвится.

Эбун в ксеносфере становится полностью умозрительной. Она – идея, уходящая в младенчество, в невербальный период. Нет слов, с помощью которых можно осознать ее форму, и нет картинки. Мы осознаем ее присутствие, но оно крайне абстрактно. Идея – ее собственная, из раннего детства. Даже она ее не до конца понимает, но может извлечь из потерянных воспоминаний и использовать. Она в безопасности. Изящное решение, жаль, что не я его придумал.

Темная пыльца цветов сгущается и образует облака. Кто-то недоволен или грустит. Мы все это чувствуем. Зараза, ненавижу такие закидоны коллективного разума.

– Ублюдки ленивые! – врывается Хренов Данлади. Облака исходят от него, думаю я, и кто-то соглашается.

Он неподвижен, стоит впереди нас и вглядывается в буш. Потом оборачивается к нам и говорит: «Прячьтесь». Его ли-

цо неподвижно, решительно, сосредоточенно. Он идет вперед.

Мы сливаемся с подлеском, маскируемся грязью, как нас учили. Теперь нас искушают еще сильнее. Мы боимся даже дышать.

Хренова Данлады нет двадцать пять минут, а вернувшись, он тяжело дышит, и его форма испачкана кровью.

– Вперед, ублюдки ленивые. Мы и так задержались. Нужно добраться до дамбы Алау до заката. Подъем, подъем, подъем! Вода сама себя не перейдет.

Мы осторожно поднимаемся. Он не рассказывает, что случилось, так что я заглядываю к нему в голову. Мы не должны этого делать, нам говорят, что инструктора защищены, и в какой-то степени это верно. Никто из моих соучеников не может пробиться через... защиту. Я могу. Это сложно, но я могу. Я никому этого не рассказывал.

Хренов Данлады крадется и замечает троих повстанцев, разведгруппу с легким оружием. Он набрасывается на них со скоростью, за которой я могу уследить только потому, что я у него в памяти. Он убивает всех троих голыми руками, прежде чем они успевают выстрелить. Он как будто не человек. Одним ударом в висок проламывает череп первого, удерживает его, достает нож повстанца и погружает в шею второго. Третий еще только оборачивается на шум. Хренов Данлады сбивает его с ног. Падает на землю рядом с ним и почти нежно дважды ударяет повстанца головой о землю.

Я потрясен и, возможно, из-за этого теряю бдительность, потому что он смотрит на меня и знает, что я знаю, но ничего не говорит.

На следующий день, когда мы возвращаемся на базу, он назначает меня дежурным по сортиру на следующие две недели.

Договорив, профессор Илери присаживается. Я не знаю, как один человек может вмещать столько знаний и мудрости, но они льются из него свободно, словно невзначай.

Он говорит:

– Пора вам показать мне, что вы сделали. Пребывание в ксеносфере похоже на секс. Можно подцепить неприятную болезнь, так что защита прежде всего. Посмотрим, что вы построили. Теми, сначала ты.

Теми нервничает, как и все мы. Она довольно легко переносит нас в пространство своего разума. Класс исчезает, и мы стоим перед каменной стеной высотой в тысячи метров и длиной в тысячи метров, так что конца ее не видно. Мы не можем заглянуть за нее, а камни выглядят внушительно. Есть дверь, но она закрыта на висячий замок. По ту сторону преграды лежат тайны и слабости Теми. Илери учил нас устанавливать защиту в нашем сознании.

– Хорошая попытка, Теми, но она демонстрирует недостаток воображения и шаблонное, традиционное мышление. Камни, дверь, замок? Первая мысль любого нападающего:

как бы ни был крепок камень, его всегда можно разбить. Ты не читала Шелли? «Озимандию»? *Камней куски кругом, приметные едва, в пустыне, слитой с пустотой над ней.*²¹ Слабое место двери – петли. К замкам есть ключи. Ты объявляешь посетителям, что хоть им придется нелегко, но решение найдется, – в голосе профессора Илери слышна досада.

– Но я думала... – говорит Теми.

– Переделай. – Он поворачивается ко мне. – А у тебя что?

Я нащупываю все разумы вокруг себя – мой класс, мой профессор – и перемещаю наши сознания из мозга Теми напрямик в свой. Я чувствую, как их окатывает удивление, словно дым. Никто такого еще не делал.

Они также ахают, увидев мое превращение. Я вырос на несколько футов и трансформировался. У меня птичьи крылья, орлиный клюв и львиное тело. Мое пространство – высокий лабиринт из живой изгороди, с нагромождениями облаков в небе и сложными сочетаниями ветра, бриза, света и тьмы. Слышны повторяющиеся звуки чаек, летучих мышей, собак и сверчков. Я хлопаю крыльями, влетаю в лабиринт и для демонстрации передаю его единым мультисенсорным потоком. Неверный поворот, остановка там, где нужно двигаться, движение там, где нужна остановка, приведут к тому, что вся конструкция обрушится и закроет мозг от вторжения. Я кружусь в воздухе и складываю крылья, заканчивая свое парение на восходящих потоках разума. Возвращаюсь

²¹ Перевод А. Золотаревой.

к классу.

Охренеть.

Ух ты.

Мне конец. Я и близко ничего такого не сделал.

Илери улыбается:

– Дамы, господа. Кааро только что перепрыгнул через несколько уроков. Наконец-то он доказал нам, что он самый старший в классе. Впечатляющая работа, Кааро. Скажи мне, почему ты посчитал нужным трансмогрифицировать?

– Я не знаю, что это такое, – говорю я.

Балда, это изменение, трансформация. Добродушное подтрунивание.

– Не знаю. Я читал про Египет и про Сфинкса, поэтому задумался о грифонах. Мне нравится сама идея такого существа.

– Да, Кааро, это был твой выбор. Но зачем вообще меняться?

– Меня сложнее узнать, если я сам на себя не похож, верно?

– Разумеется, – говорит Илери. – Разумеется.

Я возвращаю нас в классную комнату.

Показушник.

Учительский любимчик.

Ублюдок.

Из-за тебя мы опозоримся.

– Новое задание. Любой ученик, которому удастся взло-

мать ментальную крепость Кааро, сразу получит диплом полевого агента. Кто следующий? – говорит Илери.

Я выдерживаю множество попыток взлома, одни в период бодрствования, другие во сне, одни нескрываемые, другие неожиданные.

Никто так и не пробивается.

Целый год я каждый день провожу возле купола столько времени, сколько могу выкроить между тренировками. Я надеюсь, что изнутри на меня смотрят. Я надеюсь, что кто-то выйдет и впустит меня.

Никто не выходит.

Палатки сменяются навесами и деревянными лачугами, покрытыми гофрированной жстью. Двухколесные колеи превращаются в грунтовые дороги, а когда появляются вывески, я осознаю, что вокруг меня растет поселок. Моя душа умирает частями.

Я в Майдугури, тренирую выносливость. Мы проходим по много миль без еды и воды, в полной пехотной экипировке. Я не знаю, зачем меня заставляют это делать. Не отправят же меня на войну. Я подхожу к связному из О45 и говорю со своим боссом.

– Оставайся там, – говорит Феми по защищенному каналу. Снаружи палатки стоит часовой.

– Это жопа, – говорю я.

– Поэтому ты там и останешься.

– В наказание?

– Нет. Это перспективное место. Его называют «Лагерь Роузуотер».

– Это вы его называете «Лагерь Роузуотер». А здесь его называют Пончиком. И нет у него никаких перспектив. Зеваки разойдутся по домам. Купол не откроется.

– Он уже открывался.

– Что?

– Он открылся на несколько минут прошлой ночью, когда вы были в Майдугури.

– И почему эта информация не в облаке или в новостях? Никто не говорит о...

– Мы ее заглушили. Были странные последствия.

– В смысле?

– Один генерал сказал, что вылечился от рака простаты, вдохнув «пары» из отверстия.

– Бред.

– Может быть, а может, раковый диагноз вообще был ошибкой, но в любом случае у Роузуотера есть перспективы. Люди прибывают каждый день. Какой-то профессор из Лагоса подключается к электричеству из ганглия. Подтягиваются строители. Ты нужен мне, как глаза и уши. Ты остаешься.

Я ее не слушаю. Купол открывался. Для меня? Может, он закрылся, потому что меня не было?

Вернувшись из Майдугури, я иду напрямиком к куполу. Ни-

каких признаков того, что он открывался. Я пытаюсь обойти его, но спустя час и три литра бутылочной воды я вынужден признать, что он-таки вырос с тех пор, как я в последний раз пытался его обогнуть, и мне нужен транспорт. Не знаю, чего я ищу, – поверхность поразительно однообразна. Периметр определенно увеличился, и по краям видно, где он сдвинул почву и вырвал кусты. Повсюду движение и пыль. На каждом мотоцикле – пассажир. Повсюду военные и люди в черном. Кибер-ястребы рассекают воздух, хотя многие из них валяются на земле, мертвые, разлагающиеся, обгоревшие. Что бы ни контролировало биокупол, оно не хочет, чтобы за ним наблюдали.

Может, я был слишком занят собой и своим горем, а может, слишком устал от сраных тренировок, но теперь вижу, что Феми права насчет Пончика.

Я нанимаю мотоцикл и объезжаю купол, держась за талию водителя. Мы едем по пересеченной местности, скачем по травяным кочкам и земляным холмикам – мотоцикл на такое не рассчитан. Я вижу школы, закусовые, молитвенные собрания. Эти люди здесь надолго. Когда мы прибываем к Северному ганглию, в воздухе пахнет горелой плотью. Это не редкость – какой-нибудь несчастный болван напьется, перелезет через ограждение и поджарится, но в этот раз все не так. Во-первых, солдатик, мальчик-хауса, пытается меня развернуть обратно. Я показываю ему удостоверение O45, и он неохотно отступает, хотя и не пропускает моего водителя.

Я плачу тому за ожидание.

Прохожу мимо сетки, установленной в паре футов от купола. Несмотря на формальные знаки биологической угрозы, никто не носит средств защиты сложнее носового платка, прикрывая нижнюю половину лица. Я, конечно, видел горящие тела и ранше. Сожжение – любимая казнь линчевателей и политических соперников по всей стране. Меня самого чуть не сожгли. Но чего я прежде не видел, так это массового сожжения десятков людей.

Я вижу, где их убивали. Ручейки крови, следы волочения на земле, красные лужи. Удивительно, но мух нет. Я уже привык к страданиям, но то, что я вижу, выбивает меня из благодушного состояния. В этом костре из человеческих дров *видно движение.*

Странно, что я сразу этого не заметил. Большинство конечностей дергается, корчится. Они что... живые? Эти ублюдки что, сжигают их живьем? Но... криков не слышно. Вот глаз, выскочивший из глазницы, но он смотрит на меня. Я вижу, как зрачок меняет размер. Немигающий, выбитый глаз фокусируется на мне. Он видит. Он меня видит.

Возможно, я слишком взвинчен, или мне надоело жить, но я начинаю орать на ближайшего солдата. Не помню, что я говорю, но помню блеск в его глазах и изгиб его губ.

Потом он бьет меня, и я вырубаясь.

Я провожу два дня в яме, прежде чем Феми меня вытас-

кивает.

– Ты сдурел? Это же отряд ликвидаторов, – говорит она.

– Они жгли людей заживо, Феми.

– Не людей и не заживо.

– Что ты несешь?

– Помнишь того генерала с раком простаты? Исцеление было настоящим. Все, кто был там в тот момент, вылечились. Мы думаем, что, когда купол открылся, он выпустил какие-то ксеноформы, исцелившие людей поблизости.

– Это значит, что чужой не совсем разочаровался в человечестве.

– Да, – говорит Феми.

– И при чем тут сожжение людей?

– Ксеноформы поработали слишком хорошо. Большинство могил в лагере неглубокие.

– Они подняли мертвецов?

– Но не как Лазаря. Это, скорее, ожившая плоть. Исцеленная, с бьющимся сердцем, открытыми глазами, теплым телом, но без... жизни. Ни воспоминаний, ни души, ни понимания, кем они прежде были. Нам пришлось снова их убить, и смерть их пришла не просто.

– У них внутри ксеноформы?

– Нет. Наши анализы показывают, что ксеноформы просто лечат и исчезают. Ученые полагают, что они вернулись в купол перед закрытием.

Феми садится в джип, бросив меня, грязного, в этих пере-

населенных трущобах. Она оставляет мне денег, сертификат неприкосновенности, закодированный в имплантат, автоматический пистолет «Смит и Вессон», запас кетоконазоловой мази и пожелание удачи.

В одной из лачуг предлагают стрижку и бритье. С нее я и начинаю.

Глава седьмая. Лагос, Роузуотер: 2066

Я смотрю на Лайи, этого прекрасного юношу, и не могу придумать, что бы сказать. Обычно я вру, чтобы выкрутиться в таких ситуациях. В Роузуотере не так много людей, бывших тут с самого начала и знающих, каким я был тогда. Многие догадываются, что я непростой человек, но я стараюсь не высовываться, а в мире всегда есть множество большегрудых старлеток, которые быстро завладевают вниманием публики. Иногда я прихожу на футбольный матч или концерт, и кто-нибудь начинает на меня пялиться. Несколько раз со мной заговаривали, но так уверенно, как Лайи, – никогда.

Входит Аминат.

– Он тебе заливает про свои теории заговора?

Она целует меня, и Лайи делает вид, что его сейчас вырвет.

– Перестань. Я не хочу это видеть. – Он поворачивается ко мне. – Ты был в Роузуотере с самого начала.

Какого черта!

– Ты прав, был. Это я на видео.

Лайи улыбается.

– Я понял это, как только тебя увидел.

– Правда? Ты был молельщиком? – спрашивает Аминат.

Молельщиками в остальной Нигерии называют основателей Роузуотера. Поскольку большинство из них страдали от СПИДа или неизлечимого рака, слово приобрело нехороший оттенок.

– Ну, нет. Я был там по делу.

– Как это было? – спрашивает Лайи. – Я прочитал все, все мемуары, посты в блогах, письма и рассекреченные документы. Я слушал все передачи об этом. Я впервые встречаю человека, который был там лично.

– А я как же? – спрашивает Аминат.

– С самого начала. Я имею в виду, с самого начала. Ну, Кааро, как это было?

– Довольно фекально.

– В смысле? – спрашивает Лайи.

– В смысле говенно, – говорит Аминат.

– Да, я знаю, что это значит, но по-моему, он имеет в виду – буквально.

– Угадал. Пахло в основном дерьмом. Сначала животным, потому что рядом была ферма, но вскоре стало еще хуже. Канализации не было. Люди просто рыли неглубокие ямки, делали свое дело и закапывали. Иногда и ямками не заморачивались. Потом стало невозможно никуда ходить, потому что, ну, знаете, всякое случается. Тогда стали использовать берега Йеманжи. Там был обрыв, с которого можно было это делать, и течение все уносило. Поначалу. Из-за вспышек дизентерии и диареи в лагере пострадали дети. Мы собрались

вместе, провели несколько городских советов. Это неудобно, когда поселение имеет форму кольца. Надо отправлять глашатаев вокруг Утопия-сити, а это занимает вечность. Мы дали взятку армейцам, чтобы те привезли экскаватор из инженерных войск, и устроили дренажную систему. Это немножко помогло, но прошла еще куча времени, прежде чем федеральное правительство направило к нам санинспекцию. Ароматы в Роузуотере были ужасные. У моей палатки долгое время валялась дохлая лошадь. Она раздулась, потом из нее полезли опарыши, потом она высохла и перестала вонять. И, конечно же, были еще тела реаниматов.

Аминат прищуривается.

– Значит, когда мы говорим «Роузуотер»...

– Ага, – отвечаю я, – мы имеем в виду совсем другое. Настоящее название города, кстати, «omi ododo», что значит «Цветочная вода». Там было мерзко.

– Тебе там нравится? – спрашивает Лайи.

Я замолкаю, потом говорю:

– К этому привыкаешь.

Какое-то время я брожу по участку. Внутри дома у меня странное ощущение – из-за цепи и еще потому, что я не чувствую ксеносферы. Лайи, похоже, думает, что я вышел покурить, и я его не разуверяю. Он так активно проявляет доброту, что мне нужно от нее отдохнуть. Я направляюсь по усыпанной гравием дорожке от задней части дома к восточ-

ной стене, под ногами хрустят камешки. Связи постепенно восстанавливаются. Сначала я чувствую садовника, сигнал четкий, как парламентский акт. Его зовут Бернارد Окойе. Я вижу его сны. Во сне и в мыслях он видит себя молодым. Он любит женщину по имени Сесилия. В прошлом ему не удалось добиться ее руки. Он начал учиться, но его отец...

– Привет, Грифон.

Эти слова выталкивают меня из лагосского дня, и я оказываюсь в поле. Льет прохладный легкий дождик. Слоновая трава достает до пояса. Вокруг красно-коричневые холмы, поле лежит на дне долины. Никаких деревьев. Я оборачиваюсь и вижу Молару.

– Привет, – говорю я.

Она снова изменилась. У нее все еще крылья бабочки, синие, с черной каймой и пятнышками. Крылья трепещут, но у нее больше не тело насекомого. Теперь она женщина. Коренастая, крепкая, мускулистая женщина с подтянутым круглым животом и маленькими бугорками груди. Лицо угловатое, острый подбородок, резко очерченные скулы, приплюснутый нос, большие глаза. Темная поросль лобковых волос.

Дождь больше не остужает. Мне жарко, я весь мокрый. Ее тело источает самые серьезные чувственные намерения. Думаю, она никогда не взлетит с такими крыльями – они не выдержат ее вес. Она отворачивается, становится на четвереньки и подставляет мне свой зад. Я подхожу к ней.

Пока мы сношаемся, поле вокруг нас заполняется бабоч-

ками самых разных цветов и размеров. Где-то я читал, что они не летают под дождем, и не помню, видел ли такое. Я держусь за плечи Молары, выдвинув когти и впиваясь в ее плоть. Я прихватываю изогнутым клювом ее шею для усиления трения. Течет кровь, но ее смывает дождем. Наше яростное соитие разрывает синюю паутинку крыльев Молары в лохмотья. Не сдержавшись, я раскрываю свои крылья и взмахиваю ими. Сплетенные вместе, мы поднимаемся в воздух в окружении бабочек.

По ее телу пробегает дрожь. Она боится. Сверкает молния, но гром теряется в моем оргазме. В момент оргазма из-за потоков дождя и ее пота я ослабляю хватку. Она падает, кувыркаясь в воздухе, бьет изодранными крыльями, словно это может помочь.

Я возвращаюсь в Лагос, в дом, где живет семья Аминат. В трусах у меня влажно. Бернارد стоит в метре от меня, уставившись со странным выражением лица. Я смотрю вниз, но мокрого пятна на штанах не видно. Пока. Я иду в дом.

Приведя себя в порядок, вхожу в гостиную. Я бы уже вернулся домой, идея провести субботу вместе больше не будоражит, как поутру, когда мы с Аминат проснулись. Опять-таки, в доме ксеносфера заглушается. Не то состояние, которое хочется продлить.

Аминат сидит на полу у ног Лайи. Она натирает мазью ногу вокруг лодыжки, там, где она соприкасается с металлом браслета. В этом месте кожа на обеих ногах темнее и грубее.

Увидев меня, Лайи улыбается. Аминат понимает, что я хочу уехать, и одними губами говорит: «Пять минут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.